

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТВОРЧЕСТВО
Андрея
Платонова

ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

КНИГА 3

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2004

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИКАЦИИ

Этот раздел содержит следующие материалы:

Очерк «Кухонный мужик Советского Союза». Публикация и примечания В. В. Перхина.

Материалы из фонда А. Платонова № 780 Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом).

1. Одни на свете (ед. хр. 17)
2. Взыскание погибших (ед. хр. 1)
3. Евдоким Соломонович (ед. хр. 4)
4. Черноглазая (ед. хр. 37)
5. Долгота жизни (ед. хр. 3)
6. Предисловие (ед. хр. 22)
7. Человеколюбие (ед. хр. 36)
8. Хлебная энергия (ед. хр. 31)
9. Хемингуэй (ед. хр. 32)
10. Чаплин в Москве (ед. хр. 33)
11. Наброски к неустановленным произведениям (ед. хр. 41)
12. Штурман дальнего плавания (ед. хр. 40)
13. Офицер и крестьянин (ед. хр. 19)
14. Сын народа (Офицер Простых) (ед. хр. 26)
15. Штурм лабиринта (ед. хр. 39)
16. Тит, пьеса (ед. хр. 27)
17. Краткое изложение пьесы «Великий лес» (ед. хр. 10)
18. Майская роза (ед. хр. 12)

Публикация и примечания Е. И. Колесниковой.

В разделе выдержан единый принцип транскрибирования и описания текстов. Зачеркнутый Платоновым текст печатается курсивом и заключается в квадратные скобки. Границы различных зачеркнутых фрагментов разделяются косой чертой. Например: [*в таких боях свои/ свои потери бывают обычно велики*].

Если зачеркнут большой фрагмент (как правило, это происходит уже после написания текста, нередко зачеркивается весь отрывок), то он заключается в жирные квадратные скобки, а внутри них текст не выделяется курсивом, а рассматривается как отдельный фрагмент, на который распространяются все принципы транскрибирования. Вставки, надписи над строкой, подписи под строкой выделяются жирным шрифтом. Зачеркнутые вставки выделяются жирным курсивом.

Орфография приведена в соответствие с современными нормами. Все редакторские изменения пунктуации обозначены в угловых скобках.

Конъектуры и краткие публикаторские комментарии даются в угловых скобках.

Пагинация Платонова оформляется как часть его текста.

Пагинация архива дана в угловых скобках.

Платоновский рукописный текст ставит перед исследователем, помимо общетекстологических задач, множество частных проблем. Проведенная транскрипционная запись демонстрирует важные особенности творческой манеры писателя, принципы, которым он следовал, создавая свои произведения. Исследование предлагаемых отрывков подтверждает высказанное еще Л. Шубиным наблюдение о том, что платоновское произведение «растет слоями», т. е. komponуется из разных по времени написания и стилю отрывков. Во-первых, писатель работал с «нерасчлененными» пластами, пронизанными определенными темами. Затем от них отпочковывалось несколько отдельных произведений, несущих сходные мотивно-тематические меты, но совершенно различных по жанрам, поэтическому строю и пространственно-временной организации. Во-вторых, в процессе работы с записными книжками и последовательно выростающими из них произведениями прослеживается определенная жанровая стратегия Платонова, а именно, постепенное укрупнение жанровых форм. В-третьих, вырисовываются определенные лакуны, которые, вероятно, в будущем должны будут заполниться еще неизвестными на сегодняшний день произведениями.

Для уяснения творческой манеры художника представляют большой интерес записи военного периода. Большой блок военных текстов, находящихся в РО ИРЛИ (ед. хр. 41 — «Наброски к неустановленным произведениям»), имеет вид нерасчлененных записей по типу записных книжек. Представляемые материалы не могут быть однозначно атрибутированы. Здесь в синкретичном виде даны темы и сюжеты, которые затем оформятся в несколько военных рассказов. Встает вопрос, можно ли считать наброски единым произведением особого жанра — записной книжки, либо следует расчленить эти материалы и пытаться атрибутировать их по отдельности. Думается, что в зависимости от научных целей возможно различное членение массива, но обязательным остается первоначальное представление полного объема текста, даже если в нем просматриваются фрагменты известных произведений. В публикации рукописных материалов выдерживается именно этот принцип, представляющий нам наиболее корректным.

В комментариях к текстам особое внимание уделяется устойчивым мотивам, знаковым комплексам и психологическим типам персонажей, на основании чего отрывки соотносятся с общими этапами творческой эволюции Платонова. Вопрос атрибуции и датировки осложняется разрозненностью архива, ведь для установления единства отдельных блоков необходимо сопоставить их не только содержательно, но и визуально, т. е. моменты единства могут столь же серьезно подтвердить или опровергнуть такие признаки, как качество бумаги (однородность/неоднородность, формат), цвет и яркость чернил, особенности почерка, характер помарок и т. д. Предлагаемые записи дают материал для углубления наших представлений о манере работы писателя над композицией текста. Как показывают наблюдения над движением рукописных набросков к окончательному тексту, художник мог работать в

различных направлениях. Замысел вначале обозначался несколькими формулами, системой персонажей, отдельными зарисовками, либо возникали наброски из отдельных взаимосвязанных эпизодов и пространственных психологических характеристик, в которых угадывается сразу несколько различных произведений (что мы и видим в «Набросках к неустановленным произведениям»). Предварительные блоки не очерчивают пространственно-временных рамок будущих произведений, не отражают даже общих схем их композиционной структуры. Пространственно-временная структура формируется на последнем этапе работы, после зарождения темы, после того, как сложится система персонажей, образы обретут свою художественную плоть и выявятся основные художественные ходы.

Приобретают первоочередную важность этические идеи, которые писатель воплощал на протяжении всего своего творчества. Особо значимым становится природный мир. Рукописные материалы военного периода демонстрируют пространственные пейзажные зарисовки, имеющие самостоятельное эстетическое значение. Введение в научный оборот этих материалов позволит сделать еще один шаг к созданию полной художественной картины и научной биографии Платонова — своеобразной сверхзадачи, стоящей перед современными платоноведами.

Автор публикации рукописей выражает благодарность сотрудникам Рукописного отдела — Н. Н. Колесовой, Е. Б. Фоминой, Е. Р. Обатниной, оказавшим помощь в подготовке данного раздела.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ИРЛИ
(Публикация и примечания Е. И. Колесниковой)

Ед. хр. 17, черновой автограф, карандаш, 1 л., без даты.

1. **[ОДНИ НА СВЕТЕ.¹** (Л. 1)
(Повесть).

— Так отчего же нам быть с тобой счастливыми, товарищ Сафронов?

— Не от чего, товарищ Отчев!

— Нет, — сказал Отчев.

Окно дома было открыто в природу, [по которой] которую сейчас волновал ветер — он уносил **духовую** музыку из сада совторгслужащих в даль. [Из окна] От окна началась **приовражная** пустошь, а за оврагом, за бесплодным ущербом земли **был** [поднимался бугор] глинистый бугор, на нем сейчас шумело дерево и с тайным стыдом подворачивались его листья. Бугор и дерево находились уже на горизонте, ограничивая собою вечное зрелище из жилища людей. Невдалеке была пивная крестьян и отходников, там невыдержанные люди предавались забвению своего несчастья, [*на шум*] и шум [*горюющих*] ожесточенно-горюющих доходил до Отчева и Сафронова.

— Тратят средства существования, — сказал Сафронов про пьющих.

— Значит, они не будут существовать, — произнес Отчев. — Люди же в будущем мало живут: [*только родится, влезет на бугор посмотреть, а там ветер*] может быть в одном детстве, а дальше — только бьется сердце за каменистыми костями//

2. (Л. 1 об.)

— Дальше одна материнская инерция, — согласился Сафронов, ничему не радуясь; он вытянул руки за окно — в нежность ранней ночи. **Разнообразные** грустные звуки произносились там из пространства — среди пауз духового оркестра и *нрзб* пивной бедняков.

— Когда я родился, я думал, буду счастливым, и мать мне так обещала]

---

¹ Судя по содержанию и фамилиям персонажей, это один из вариантов начала повести «Котлован».

⟨Л. 1⟩

Лето 32 года.

Май (31-е)

Тема: В плену империализма (всяком)

ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ

Пьеса.¹

Генерал

Адъютант

Европеец

1. Евг⟨ения⟩ Андр⟨евна⟩ Пенкина
2. Петров, идиот
3. Немой
4. Европейка
5. Пленный красноармеец

Пьеса.

Действ⟨ующие⟩ лица:

1. Мерклин Ефрем Исаевич
  2. Комягин, ⟨нрзб⟩, товарищ Мерклина
  3. Жена Мерклина.
  4. Европейский офицер.
  5. Европейский солдат.
  6. Европейка.
  7. Советский воздушный инженер (пленник) — летчик.
  8. Командир Кр⟨асной⟩ Армии
  9. ⟨нрзб⟩
  10. ⟨нрзб⟩
- Петров, идиот.
Немой //

⟨Л. 1 об.⟩

Действ⟨ующие⟩ лица.

Суенита² — европейка

Бенедикт Эндвад³ — европ⟨ейский⟩ офицер

¹ Пьеса под таким заглавием неизвестна. В годы войны появится рассказ «Взыскание погибших», содержание и действующие лица которого не будут перекликаться с обозначенными в этом наброске. Общим окажется военный мотив.

² Имя героини из пьесы «14 красных избушек», замысел которой приходится на конец 1931—начало 1932 года.

³ Среди действующих лиц «14 красных избушек» есть персонаж по имени Эдвард.

Генрих Ож — европ(ейский) солдат, б(ывший) безработный

Петров, русский идиот.

Что человечество д(олжно) б(ыть) одной семьей, — это выдумал несемейный человек или холостой.

Ед. хр. 4, карандаш, 2 л., без даты.

[ЕВДОКИМ СОЛОМОНИВИЧ] ЕВДОКИМ СОЛОМОНИВИЧ.¹

[IV] [*Когда человек выучится спать, то он разучит-ся умирать.* Сакньюссем].

Абабуренко² Евдоким, в отчестве Соломонович. Соломоновичем был он не потому, что роду иудейского, а потому, что был безотцовщина³ и до больших лет местонаходился в услужении у еврея, скупщика костей-тряпок, Соломона Лупердена.

Однако, дело это прошлое. Соломона теперь нет, — помер, должно быть. Девятнадцать человек детей его рассеялись по поверхности земли неприметным образом. Ханочка — супруга Соломона, красивая милая женщина, умерла с голоду два года назад, когда город наш заняли казаки. А кто говорит, [*что е*] что ей забили кол в матку три офицера-охальника и оттого, **будто** бы, она скончалась.

Теперь это дело прошлое. Лучше давайте убережем живым (sic), а о мертвых будем плакать в одиночку по ночам.

Над складом Соломона давно уже висела красная вывеска: [Р.С.Ф.С.Р.] РФРС Базисные склады костеобработывающей и ватнобумажной промышленности **губернского масштаба**.

Соломон же орудовал без вывески безо всякой — и так знали. И так жилось терпимо — туго от суеты и работы в конторе(,) и сладко и прохладно — дома, в больших осьми комнатах, пропахших женой плодородной.//

¹ Рассказ под таким названием неизвестен. Приводимый отрывок вошел в 3-ю главу рассказа «Бучило», впервые опубликованного в журнале «Красная Нива» (1924. № 43. 26 окт. С. 1028—1032).

² Фамилия «Абабуренко» используется в текстах Платонова неоднократно. Например, она встречается в «Теме к пьесе (условное название «Злой учитель»)» для Центрального детского театра (см.: РГАЛИ, оп. 1, ед. хр. 97, л. 10).

³ Традиционный для Платонова мотив безотцовщины.

⟨Л. 2⟩ Давно это было. Теперь уж и Абабуренко старик. Но не только старик, а также оратор, гармонист, охотник до зверей, [мы] мудрец, помышляющий благо роду человеческому, и в общей суммарности, как говорил сам Абабуренко, из него получался большевик, член Российской Коммунистической партии, в кавычках большевиков. Любил так определять свою личность Абабуренко — полностью, не спеша и вразумительно для всех малосведущих. Внушительной личностью был Абабуренко, веский человек.

Жизнь прошла — как ветер прошумел: и холодно и вьюжно было, и тепло, и ласково, и благосклонно — всего бывало. Замечательно хорошо. В рассудке неслись высочайшими почти незримыми облаками ласковые лица, милые дарящие руки Ханны Яковны, ясные любящие глаза Дарьюшки — жены ненареченной, ибо не пришлось войти в брак Евдокиму Соломоновичу — брехать здоров был.

Рассудительно оглядывал Евдоким Соломонович жизнь со всех четырех сторон и всюду усматривал одну благодвидность. Все неблагоприятное сокрушается рукой живого человека. Евдоким Соломонович сам поджигал усадебную постройку [*нрзб*] у князя Барятинского и жалел, что упустил самого старика — кишки бы спустил ему наружу, — до того лют был, язва, до мужиков. Жил как хворь, на отошальных мужицких телесах. Теперь, за границу взять бы в колья. Вышла бы потеха и потешение. Слышал кое-что о загранице Евдоким Соломонович, даром что⁵

---

⁵ На этом рукопись обрывается.

Ед. хр. 37, карандаш, 1 л., без даты.

⟨Л. 1⟩ 1.

ЧЕРНОГЛАЗАЯ¹

(Рассказ)

В Туркменистане было утро. Небольшая девушка или женщина лежала [*под/в/мо глиняном, выбеленном изнутри жилище*] в горнице внутри глинобитного дома и

---

¹ В архиве РГАЛИ имеется отрывок о девушке Карагез («Карагез» — в переводе с тюркских языков означает «черноглазая»). См.: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 66. Отрывок не датирован.

спала глубоко, как умершая. Горница была выбелена [*изну*] изнутри и [*свет дн/нового дня*] добрый свет утра [*кротко отражался*] отражался на чистоте стены над головою спящей; но спящая женщина не видела света, она спала, затаив свою жизнь в глубине [*ме*] дыхания, настолько медленного и кроткого, что сон ее казался грустью; грудь ее редко и слабо вздымалась под тонким русским одеялом, в тишине пустыни [*запела и смолкла*] [*нрзб*] сирена удаляющегося паровоза [*⟨,⟩*] [*но*] и желтая степная птичка **в недоумении** клевала снаружи в оконное стекло, а женщина **лежала одна с закрытыми глазами**, [*спала/покоилась как чужая всему этому светлому миру в забвении*] точно **она была** чужая всему этому светлому [*миру, потому что она ⟨нрзб⟩ утомилась в работе/ в работе накануне/ в работе накануне/ И правда*] миру. //

Алчность в лице — по неиз[житой] будущей жизни (Л. 1 об.) у Немтырь²

Судя по заглавию, вероятно, он относится к «азиатскому» периоду творчества Платонова — 1934—1935 годы.

² На этом текст обрывается.

Имя «Немтырь» встречается также в «Набросках к неустановленным произведениям» (см. наст. изд., с. 501).

Ед. хр. 3, карандаш, без даты.

1. **ДОЛГОТА ЖИЗНИ.**¹ (Л. 1)
(Рассказ). //

2. [*Нрзб*] [Я заболел. Многое время я стоял перед стенными часами² и ясно видел пульсирующее движение минутной стрелки ⟨нрзб⟩ вперед; вско] (Л. 2)

---

¹ Отрывок «Долгота жизни» (ед. хр. 3) однозначно атрибутировать невозможно, потому что печатного текста под таким заглавием нет. Сама структура заглавия достаточно характерна для писателя и воспроизводит ту же лексическую модель, что и заглавие «Течение времени». В 11-й записной книжке 1934 года есть отрывок под таким заглавием. Однако краткость его содержания — два абзаца — не позволяет судить о замысле, хотя и не противоречит публикуемому отрывку (см.: Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 151).

² Часы — важная деталь интерьера в отрывке. Этот предмет сугубо функционален, он принимает участие в развитии экзи-

стенциального микросюжета текста — герой неотрывно наблюдает за стрелками и начинает замечать движение каждой из них. Мотив часов встречается у Платонова как в художественных произведениях, так и в черновых записях. Например, в «Эфирном тракте» Матиссен создает особые часы-будильник, связанные с головным мозгом (см.: *Платонов А. Эфирный тракт* // Платонов А. Потомки солнца. М., 1987. С. 209); в «Чевенгуре» Захар Павлович чинил стенные часы и «занимался устройством деревянных часов, думая, что они должны ходить без завода — от вращения земли» (*Платонов А. Чевенгур* // Впрок: Проза. М., 1990. С. 18). В то же время герою «скучно и стыдно от правильности действий часов и поездов» (Там же. С. 54); Чепурный, отличающийся вниманием к разного рода символам, «вычистил звезду на своем головном уборе и пустил в ход давно остановившиеся бесхозьяйственные стенные часы» (Там же. С. 257). В «Котловане»: «Сельские часы висели на деревянной стене и терпеливо шли силой тяжести мертвого груза; розовый цветок был изображен на обличке механизма, чтобы утешать всякого, кто видит время» (*Платонов А. Котлован: Текст, материалы творческой истории*. СПб., 2000. С. 28); в «Глиняном доме в уездном саду» Яков Саввич создает «чугунные часы, которые должны в конце обычного времени пойти в ход от удара молнии» (*Платонов А. Глиняный дом в уездном саду* // Платонов А. Свежая вода из колодца. Кемерово, 1984. С. 65). Часы, как и весы, для Платонова являются эквивалентами гармонии и размеренности жизни. С 1931 по 1935 год писатель работал инженером-конструктором в Палате мер и весов. Эта деятельность, как известно, сказалась на некоторых темах в творчестве писателя середины 30-х годов. В романе «Счастливая Москва» читаем: «...одни маятники часов-ходиков стучали по комнатам во всеуслышание, точно шел завод важнейшего производства. И действительно, дело маятников было важнейшее: они сгоняли накапливающееся время, чтобы тяжелые и счастливые чувства проходили без задержки сквозь человека, не оставившаяся и не губя его окончательно» (*Платонов А. Счастливая Москва* // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3. С. 88). В 16-й записной книжке 1937 года записано: «Точные (сверхточные) часы суть единым, одновременным радиоимпульсом толкаемые из точек точности (напр., обсерватории времени или мер и веса). Вот схема» (*Платонов А. Записные книжки*. С. 203). По мнению Е. Толстой, «тема часового механизма в новой русской литературе после „Петербургга“ Белого не может не соотноситься с узловым мифологемой этого романа — часового механизма...» (*Толстая Е. Алексей Толстой как неизвестный писатель* // Мирпослеконца. М., 2002. Часовые механизмы с секретом. С. 214). В творчестве А. Толстого «мотив часов» оценивается ею так же как «символический обертон» (Там же). Старинные часы как символ родового дома встречаются у А. Толстого в «Повести о многих интересных вещах (Детство Никиты)» (1920—1921), в «Хождении по мукам» (1920—1921), в «Золотом ключике, или Приключениях Буратино» (1935). Попытка осмыслить сущность неизменного чело-

Обыкновенный человек устарел.³ Он лежал на кровати и следил за [*пульсирующим*] движением минутной стрелки стенных часов; вскоре он привык замечать ход **даже**

веческого стремления обозначить время и пространство с помощью их условных эквивалентов — приборов измерения — ощутима и в приводимом отрывке. Отсюда вероятное опущение в сторону более поздней датировки — не ранее начала 1930-х годов. Обращает на себя внимание почти дословное совпадение сцены с часами и отрывка из статьи русского космиста Н. А. Умова «Роль человека в познаваемом мире»: «Перед вами ваши стенные часы; мерно падает маятник, так же мерно подымается вверх, и так неизменно от одного дня к другому. Прислушайтесь: маятник стучит, стучит правильно, иногда бывает перебой — часы идут дурно, их нужно остановить. Маятник — это регулятор: он сдерживает и регулирует падение гири часов; уберите этот регулятор — гиря быстро спустится на подставку, стрелки хаотически закрутятся по циферблату...» (Русский космизм. М., 1993. С. 115). Попутно можно предположить, что интерес Платонова к работам Н. А. Умова мог возникнуть в связи с его попыткой написать книгу об эволюции (о чем свидетельствуют материалы РГАЛИ), а, как известно, Н. А. Умов является также автором работы «Эволюция мировоззрений в связи с учением Дарвина». Обращает на себя внимание другой аспект соприкосновения наброска «Долгота жизни» со статьей Н. А. Умова «Роль человека в познаваемом мире» — в плане изображения чувства метафизического одиночества героя и прогнозирования возможного выхода из него. Описывая размышления героя о том, что жизнь его запечатлена лишь в чиновничьих бумагах и может вызвать интерес только у редкого любителя старых документов, писатель исподволь подводит к мысли о «счастье рядом с другим человеком», остро зазвучавшей у него в середине 1930-х годов. Подобная экзистенциальная концепция взаимоотношения людей присутствует и у Н. А. Умова: «Жизнь сплетается с чувством, которое древний грек выразил словом... любовь к человеку не ради симпатий и особых отношений к его личности, не любовь мужчины и женщины, не привязанность дружбы, нет, это чувство, с которым гостеприимный хозяин встречает в своем доме чужеземца-гостя, это любовь к человеку как к человеку» (с. 114). Таким образом, можно сделать предварительные выводы о том, что отрывок «Долгота жизни» относится к середине 1930-х годов.

³ Эту строку Платонов оставляет первой, задавая ей самую сильную позицию. Предложение «Обыкновенный человек устарел» вводит в контекст темы «нового человека» в советской идеологии и его отражения в литературе. Мотив «нового человека» звучит в творчестве Платонова с самого начала 1920-х годов. Например, в статье «Нормализованный работник» (1920) идет речь о «создании путем целесообразного воспитания строго определенных рабочих типов», т. е. предлагается с младенчества воспитывать детей в соответствии с их будущей профессией,

маленькой и часовой стрелки, минутная же стрелка приобретала тогда мчащуюся скорость. Устаревший человек вспомнил, что в молодости время на часах стояло для него

«искусственно развивая характеры, соответствующие производственным целям общества» (*Платонов А. Чутье правды. М., 1990. С. 136—137*). О «новом человеке» Платонов говорит не раз, как в публицистике, так и в художественных произведениях, например в «Чевенгуре», что было созвучно фразеологии времени (см. об этом: *Яблоков Е. А. На берегу неба: Роман А. Платонова «Чевенгур». СПб., 2001. С. 245*). «„То, что Маркс желает дать человеку, является не картиной мира, а всего лишь картиной общества, точнее говоря — картиной пути, на котором человеческое общество должно достичь совершенства”, — отмечает М. Бубер. Однако в России к началу XX века на основе марксистского учения существовали и целостные теории построения нового мира и нового человека. В 1904 году А. А. Богданов (Малиновский) выпустил работу „Новый мир (1904—1924)”, в которой и представил свою идею. Труд состоит из трех статей; первая имеет характерное заглавие „Собрание человека”. Как пишет сам Богданов, эта статья „посвящена изменению типа человеческой личности — устранению той узости и неполноты человеческого существа, которые создают неравенство, разнородность и психическое разъединение людей. (...) В выяснении вопросов я старался идти по тому пути, который указан Марксом, — искать линии развития «высших проявлений человеческой жизни, опираясь на их зависимость от развития основных ее условий». В моей работе дело идет, разумеется, только о самых общих контурах нового жизненного типа”. Однако приближение этого типа Богданов уже предчувствовал: „Человек еще не пришел, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте”. В одном из выступлений Л. Троцкий произнес: „А человека улучшить неужели не сможешь? Нет, сможем! выпустить новое, «улучшенное издание» человека — это и есть дальнейшая задача коммунизма» (цит. по: *Яблоков Е. А. На берегу неба. С. 245*). Мотив «нового человека» сохранится и в 1930-е годы. В записи 1930 года в 5-й записной книжке читаем: «Он готовит кадры: Нового типа человек» (*Платонов А. Записные книжки. С. 61*). Этот мотив прозвучит и в записях к «Счастливой Москве», и в самом романе. Отсюда сложность датировки отрывка по данной мотивной парадигме.

Но работа с выявленным мотивом чрезвычайно продуктивна уже для исследования авторской манеры повествования и способов выражения авторской позиции. Противопоставление новый человек—старый человек стало привычным и не несло в себе эмоционально-оценочных коннотаций. Писатель задает сатирический план восприятия употреблением глагола «устарел» относительно человека, усугубляя эффект прилагательным «обыкновенный». Здесь присутствует иронический комментарий не только к внешним обстоятельствам, но также ироническая реакция на самого героя, способы обрисовки которого так блиста-

всегда неподвижно; при всем внимании он не мог тогда различить, что минутная стрелка так **скоро** [⟨нрзб⟩] идет, хотя [видел] глаза его были свежее **в то время** и строго следили за всем, [интересным в мире] что случается в мире.

Сначала он испугался. Его никто не знал и вспоминать после смерти не будет. Единственное его достоинство, что он гражданин СССР, а память о нем сохранится лишь в делах домоуправления, милиции и загса, как о **прописанном** жильце, о **человеке**, дважды оштрафованном за нарушение правил уличного //

2.

(Л. 2 об.)

движения, [человека] **однажды** рожденном и **однажды** умершем. Что касается службы, то **архив** [архивы], бухгалтерии ликвидируется через десять лет, когда минует максимальный срок наказания для возможного преступника. Таким образом, его работа в счетоводных книгах и ведомостях, [тоже] его скрепляющие подписи и все **прочие** [меры] скромные меры бессмертия [⟨нрзб⟩] тоже не очень надежны. Кроме того, редко живут те люди, которые с интересом читают при вечерней лампе реестры документов, перечни должностных лиц когда-то бывших учреждений или с волнением всматриваются в подписи давно умерших **служащих** [людей], разгадывая этим способом всю тревогу, счастье и судьбу умолкшего неизвестного существования.⁴ Такие люди, интересующиеся скукой, как трагедией, [цифра] **намеком, как сказкой**, очень редки, — их наверно [нет] нет. Наиболее интересный документ, это [тру] трудовой список, но тоже **лишь** для очень **нежного** [влажного] сердца и **большого** воображающего ума. И в трудовых списках **человек** не всегда записан точно, а только с собственных слов, и если [взять/взять] поверить словам в списках, то **в целой стране** никто никогда не судился и не был взыскан, но многие были командармами в гражданскую войну или водили, как наименьшее, бронетанковые [силы] //

тельно были разработаны художником в процессе работы над «Государственным жителем» (1929). Отсюда можно предположить, что верхние границы датировки не могут выходить за 1929 год.

⁴ Между двумя последними словами Платоновым поставлен знак Z, означающий перестановку этих слов. В «Записных книжках» также присутствует «архивная» тема: «Надо изучить трудовые списки граждан СССР — вот тема народа» (Платонов А. Записные книжки. С. 151).

силы, [или же] либо, уж как крайность, [брали волости в свое время] вдвоем с товарищем [,] брали волости в свое время, надев на себя, **как броню**, плетни для ужа-са врага.

Почувствовав действительную скорость времени [Филипп Саввич] Антон Александрович ⟨,⟩ не мог управиться [со своими] с **текущими делами**; [и] он стал всегда опаздывать, ошибаться, терпеть неудачи и [потеть сердцем в постоянном сожалении / в поту своего сердца находится в постоянном сожалении] находился в постоянной [сожалении] **усталости**, [чувствуя, что сердце его в поту] точно сердце его было в бегстве, в сожалении и в поту. Но [потом — опять станю] **затем** — Антону Александровичу опять становилось [ничего] ничего, **терпимо**: и устаревшим можно жить, и в ослаблении всех чувств есть свое удовлетворение [⟨нрзб⟩] и **своя** разумная радость, — что вот, дескать, сколько лет я носил свои органы, сколько они меня мучили и тревожили и ⟨,⟩ наконец ⟨,⟩ я их довел до измождения ⟨,⟩ и они увядают. С головы сыплются перхоть и волосы, тело [⟨нрзб⟩] давно переболело всеми обычными болезнями и больше не боится заразных микробов, плакать неохота, [и смешное] спится мало и улыбаться тоже не приходится, так как чувство счастливо-го возбуждения **уже** заранее и целиком//

истрачено, и оно притупилось. В такие времена было бы хорошо пить водку, но и она испытана и давно уже не [берет] опьяняет, не подымает сердца на высоту ума, не превращает людей в [воз] возлюбленных друзей. Поэтому дома, после работы, Антон Александрович все более охотно занимался мелкой необходимостью: топил дровяную печь, заводил и выверял стенные [часы] часы, чинил утварь, поддерживал надежную, сухую [чистоту] чистоту в жилище и глядел на свою кошку, которая неторопливостью своей жизни [выз⟨нрзб⟩] **сонливостью** [⟨нрзб⟩] всем скудным поведением [⟨давала⟩] **вселяла** покой в его душу. Но иногда Антон Александрович начинал чувствовать такое уныние, что ходил в уборную, когда ему не хотелось и было не нужно, лишь бы заняться каким-нибудь новым [делом] делом.⁵

⁵ В 11-й записной книжке есть запись: [«Ей было так тоскливо, что она ходила испражняться, когда ей не хотелось и было не нужно, лишь бы заняться»], которая включена в так называемый «азиатский» блок материалов 1934 года. Рядом с ней — отрывки, относящиеся к «Счастливой Москве».

[⟨Повесть⟩ Долгота жизни.
Обыкновенный человек устарел]⁶//

5.

⟨Л. 4⟩

⟨умолки⟩ колокола гудели, идут ⟨безмолвн⟩ электро-
возы.⁷

Однако, хотя [часы] часы шли **верно** [правильно] и скоро, хотя [судьба] кости внутри Антона Александровича уже каменели, приходилось не умирать, а расти и совершенствоваться. На службе начали спрашивать не [како] как со служащего, а как с высшего **прекрасно-го** человека, [от которого] который должен заботиться один обо всем земном шаре, а о нем никто. Это было жутко для сердца устаревшего человека, но удивительно и втайне приятно. Когда **ближайший** [старший] начальник Антона Александровича делал ему указание на недостаточность работы или выносил публичный выговор в печатном приказе, то Антон Александрович [не имел] наполнялся грустной жалостью к самому себе, которую высказать никому нельзя. «За что он меня так обижает, — приблизительно думал он. — Кто я такой? [Я] Разве выучишься жить, если время **мое** прошло настолько скоро... Я ведь недавно был ребенком и еще не перестал им быть [«] Я ничего не успел [»] с тех пор, как родился».

Он вспомнил первый лучший, таинственный день своей жизни, освеща[в]ющий до [сих пор] **сего времени** [его] бедное небо его детства, давно погасшее в природе, [⟨нрзб⟩ в душе] но сохраненное в душе.⁸

---

⁶ Написано внизу листа, надпись перевернута. Вероятно, Платонов делал запись на чистом листе, а потом эта запись соединилась с продолжением текста предыдущей страницы.

⁷ Запись сделана в углу листа, очень мелко и неразборчиво. Графически и содержательно она не включена в состав текста.

⁸ С этим абзацем перекликается одноименный набросок в «Записных книжках»: «Десять, двадцать лучших, прекрасных дней „моей жизни“, память о которых стоит неподвижно, как (...) как бедная далекая звезда над головою» (Платонов А. Записные книжки. С 151).

⟨Л. 1⟩

2.

ПРЕДИСЛОВИЕ.¹

[Из столовой нарпита]

[Отужинав в столовой нарпита]

Отужинав в столовой нарпита, помещавшейся на Лиговке² близь Обводного канала, на улицу вышел пожилой человек по имени Никодим Васильевич Якунин.³ Одет он был обыкновенно, как одеваются служащие или рабочие люди, в прочную, достаточную одежду, но на лице его были ясные следы нужды, долгого низкооплачиваемого труда

---

¹ По всей видимости, слово «Предисловие» перед текстом рукописи не следует рассматривать как заглавие, поскольку в платоновском фонде РГАЛИ сохранились и другие материалы, предваряемые подобным образом. Здесь содержится предыстория героя, которая могла бы войти в основной текст, а также психологическое обоснование образа главного героя.

Отрывок, вероятно, имеет отношение к замыслу Платонова второй половины 1930-х годов о создании романа «Путешествие из Ленинграда в Москву», который вначале предполагалось печатать в «Знамени», а затем в 1937 году был заключен договор с издательством «Советский писатель». (См. об этом: *Корниенко Н. В.* История текста и биография А. П. Платонова (1926—1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 199—200). Набросок под заглавием «Предисловие» с главным героем Никодимом Васильевичем Якуниным опубликован в «Новом мире» (1991. № 1. С. 130—155) Н. В. Корниенко (*Платонов А.* Из неопубликованного / Сост. М. А. Платоновой; Вступ. ст., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко). В «Записных книжках» напечатан отрывок, датированный Н. В. Корниенко 1930-ми годами, под названием «Предисловие». Имя персонажа совпадает, имеется также упоминание Петрограда. Фрагмент из «Записных книжек» содержит сведения о самом раннем периоде жизни Никодима: «Мать выкормила своего сына Никодима, он вырос и стал большим. (...) Из Красной Гвардии отец больше не возвратился — он умер в бою под Петроградом, чтобы сын вместо него мог жить свободно и счастливо, либо заблудился ... и остался жить где-либо в дальнем чужом месте» (*Платонов А.* Записные книжки. С. 265).

² Название крупного проспекта в Санкт-Петербурге от ул. Некрасова до Московского пр. До основания Петербурга вдоль будущего Лиговского канала проходила дорога из древнего Новгорода. В 1718—1725 годах на всем протяжении современного проспекта был прорыт канал для питания фонтанов в Летнем саду. Официальное название Лиговской улицы появилось в 1892 году. В 1952 году улица была переименована в Сталинградский проспект. В 1956-м — возвращено прежнее название (см. об этом: *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Почему так названы. 5-е изд. СПб., 2002. С. 137).

³ Эта фамилия упоминается и в других набросках.

[и участия в военных битвах] и⟨,⟩ быть может⟨,⟩ участия в военных битвах, [⟨нрзб⟩] потому что на левой стороне его лица находился шрам и два **заживших окоченелых** рубца, [⟨как⟩] **словно** от ранения саблей;⁴ но **общая** кожа на лице этого человека имела бурый обветренный [цвет] цвет большого здоровья и доброго сердца, а рыжеватые усы кротко [рос] росли над скромным, молчаливым ртом. [Вероятно это всё были] Его наружность [вероятно] соответствовала его [Такое выражение его]//

3.

(Л. 2)

давней, прошлой жизни, — еще до революции, — когда ему было совсем плохо, потому что [⟨нрзб⟩] Якунин [подолгу] несколько раз, и подолгу, сидел в тюрьме. Однако и посейчас еще его истощенные, бледные глаза [светились **ясным** ⟨терпеливым⟩, точно пустым светом ⟨они⟩ глядели/и в них были **интерес и доверчивость к миру/были/были**] смотрели доверчиво и ясно, точно радость для него была знакома и близка, а прожитое горе ничтожно. [И действительно, оно было небольшое, прожитое горе Якунина; в тюрьму он садился шесть раз, а всего просидел четырнадцать лет, первоначально попав в заключение еще в детстве, когда ему исполнилось тринадцать лет]

[И действительно, прожитое горе Якунина было небольшое; в тюрьме его время прошло во сне и томлении,/ в воображении своей/ в однообразном воображении **жизни** своей все более беднеющей души, в воспоминании исчезнувших людей и фактов. [Он] **Всего он прожил в заключении [четырнадцать] двенадцать лет, но не в один раз, а в четыре срока. На свободе, в промежуточном времени до следующего, очередного заключения, Якунин**]//

4.

(Л. 3)

И действительно, свое прожитое горе Якунин не считал большим; в тюрьме он привык жить воображением своего ума, тайным представлением чужой свободной жизни, потому что его собственная душа все более беднела, не имея чувства и подвижности в однообразном **тюремном [заключении] положении**. Всего Никодим Якунин прожил в заключении четырнадцать лет, но не в один раз, а в четыре [сро] срока. В промежутках — от одного до следующего очередного заключения — Якунин был на воле не

⁴ «Удар саблей», полученный «в военных битвах», отсылает к гражданской войне. Для обозначения Великой Отечественной войны употреблялась иная лексика. Кроме того, сабля как вид оружия в ней не использовался.

подолгу, иногда по нескольк[у]о суток, а иногда еще меньше — по десять, по двадцать часов, а затем его вновь брали под арест. Он даже **не успевал отойти далеко** от тюрьмы, где только что отбыл свой срок [*не успевал отойти далеко,*] и опять возвращался в нее. Однако никаких преступлений Никодим Якунин не совершал, он даже не пережил ни разу чувства [*от*] **своего** злодеяния.⁵ В нем лишь пробуждалась излишняя сила жизни, скопленная, затомившаяся в тюрьме; в сердце его [*было*] [*проявлялось ощущение/счастье сознание свободы и*] увлечение другим человеком, [*потому что*] он хотел отдохнуть от тюремной привычки — думать лишь о самом себе, жить чувством своего одинокого тела. Поэтому Якунин, не имея постоянных родных и знакомых, [*на воле*] сразу сходиллся для дружбы с незнакомыми людьми.⁶ Выйдя из тюрьмы, //

(Л. 4)

5.

Якунин обыкновенно оставался ночевать на базаре или на городских пустошах, в мусоре каких-либо руин, где проводили время и другие люди, не имеющие жилищ. В последний раз, **незадолго** перед революцией, будучи только что освобожденным из тюрьмы, Якунин [*пошел на базар*] отправился на базар,⁷ чтобы **побыть** [*походить*] среди людей и рассеяться между ними,⁸ [*может пораб*] а может быть (<,) наняться [*в дерев*] на работу в деревню плотником (он знал это ремесло) и поджиться немного денег на харчи. Но наступил вечер, [*нрзб*] крестьяне разъехались и торговцы закрыли свои рундуки и торговые помещения; около амбара, где помещались возовые весы,⁹ остались на ночлег беженцы из Польши и между ними устроился [*ночевать*] Якунин. Беженцы покормили его [*остатками каши*] [*кашей*] кулешом из своего котла [*наравне с членами с*] считая его тоже несчастным [, *дальним*] чужестранцем, а затем легли спать на земле вместе с детьми и женщинами. Якунин тоже лег между [*ни*] беженцами, а ночью проснулся от холода. Был **октябрь** [*сентябрь*] ме-

---

⁵ Жизнь мальчика-сироты у весовщика — сюжетный элемент нескольких произведений Платонова (например, рассказ «Глиняный дом в уездном саду»).

⁶ См. мотив: «Счастье вблизи другого человека».

⁷ См. мотив: после неудач герой отправляется на базар — «Река Потудань», «Московская скрипка» и др.

⁸ См. мотив: «рассеяться между» людьми — «Московская скрипка», «Счастливая Москва».

⁹ Весы — часто встречающаяся у Платонова предметная деталь (см. наст. изд., с. 476).

ся; на камни базарного проезда, на [стены] дощатые стены **ларьков** [домов] легла изморозь; оскуделый¹⁰ //

4.

(Л. 5)

бывал недолго, по несколько дней, а затем его вновь [его] вводили в [прежнюю] тюрьму. Это происходило потому, что на воле у Якунина сразу пробуждалась [сила] жизни, скопленная **затомившаяся** в тюрьме, в сердце его сжималась счастливая, излишняя сила, и человек шел в толпу людей, он **словно** [искал себе] хотел рассеять самого себя между ними, быть увлеченным [таинственным] интересом к [незнакомому] неизвестному человеку и отдохнуть от тюремной привычки — думать лишь о самом себе, жить чувством своего одинокого тела. По выходе из тюрьмы Якунин обыкновенно оставался **ночевать** [жить] на базаре или на городск[ой]их пустош[и]ах, [где ночевали] в **мусоре каких-либо руин, где проводили время** и другие люди, не [имею] имеющие жилищ. [В] **После** каждого своего [пребыва] пребывания в тюрьме, которое длилось [два, три, а ино] от двух до четырех лет, Якунин [терял] **не заставлял** своих прежних знакомых и они забывали его, или **они** [просто] уезжали жить в другие места земли, **или их самих сажали в заключение**, [и умира/умирали/а многие/а многие уже] а некоторых Якунин больше уже не мог увидеть никогда, за их смертью [за] от старости [и болез] и болезней. [Поэтому Якунину приходилось]. Даже те редкие люди, которые **еще** сохранили память о Якунине до самого последнего его заключения, стали равнодушными [к нему] к нему, отвыкли от знакомства [с ним] //

5.

(Л. 6)

с Якуниным, и он их не посещал на воле. Поэтому Якунину приходилось каждый раз знакомиться с людьми сначала, но он не жалел об этом; [тем более, что] **к тому же** что свидание его с новыми **случайными** людьми продолжалось **обычно** очень кратко — однажды **было** всего несколько часов, — а затем Якунина опять [был арестован] брали под арест.

Никаких преступлений [Якун] Никодим Якунин не совершал, он и [не понимал, что это такое] не пережил ни разу чувства [злодейства] злодеяния. В первый раз он узнал тюрьму в [тринадцать] **четырнадцать** лет — за то, что был **сиротою**¹¹ не помнящим родства, и подозревался [участников/в участии] как соучастник в ограблении подвала гастрономической торговли; в ту далекую,

¹⁰ Здесь текст первого наброска обрывается. Писатель начинает заново.

¹¹ Сиротское детство — лейтмотив творчества Платонова.

[еще] детскую ночь, Никодим **еще** жил у [во/возово] возового весовщика [амбар], у которого амбар с весами стоял **возле** Обводного канала¹² против Тамбовской¹³ улицы, — Никодим помогал **вдовому** весовщику по домашнему делу (тот жил в клетке при весах) и по весовой машине, а за это ночевал в амбаре и **понемногу** [кое-как] кормился [при] **около** чужого человека. И вот в ту **давнюю** ночь, еще с вечера, два незнакомых пожилых человека позвали Никодима, чтобы он помог им на **временной** работе; те люди свели Никодима на Тамбовскую улицу//

(Л. 7) 6.

и велели ему пролезть через узкий лаз в подвал и выдать оттуда наверх товар. Никодим был худ и слаб, а пожилые люди были велики и не [про] могли опуститься через [деревянную] деревянное [проход] отверстие для прохода воздуха. Никодим опустил в подвал и стал подавать наверх [колбасные круги] воблу, селедки [⟨нрзб⟩ *соле*], **малосольные** огурцы из кадки, — чего было побольше и что подешевле. Ему тогда велели подавать колбасные круги и винные бутылки. Выдав, что нужно, Никодим с трудом прополз вверх наружу по деревян[ной тесной трубе четырехугольно]ному четырехугольному [лаз] лазу. Ему дали за работу воблы и огурцов, и Никодим пошел ночевать в весовой амбар. Ночью же в амбар [пришел] пришел дворник [и увел] с базара и увел Никодима в полицейский участок,¹⁴ там на лавке сидели те двое пожилых людей [что], которые водили мальчика [в по] к подвалу, — они были сейчас пьяные, веселые и [рас] рассказывали полицейскому приставу, как они воруют и живут//

(Л. 8)¹⁵ 7.

[мертвый воздух осени и бледной лунной ночи] холодный воздух **осени** [осени] проходил до самого сердца спящих людей, и они ворочались и стонали, прозябая, [но про-

¹² Обводный канал — искусственное ирригационное сооружение, тянущееся от р. Невы до р. Екатерингофки в С.-Петербурге.

¹³ Выбор топонима «Тамбовская улица» для определенного сюжетного действия — посвящения юного героя в воровское дело — мог быть связан не только с реальным топографическим местоположением данной улицы, идущей от Обводного канала до Расстанной улицы (здесь в названии сквозит прозрачная семантика — улица ведет к кладбищу), но и с той отрицательной коннотацией, которую носит как личная мифологема Платонова («Тамбов — голевская провинция»), так и фольклорная — «тамбовский волк тебе товарищ».

¹⁴ Дворники в это время выполняли функции низшего звена полицейской структуры.

¹⁵ Начало абзаца отсутствует, вероятно, пропущена страница.

снут] но проснуться не могли, потому что были сильно измучены. Сам Якунин тоже простыл, он был **тогда** одет всего в один летний пиджак, [другой одежды он давно не зн] [и то потому что] который четыре года нетленно пролежал в тюремной кладовой. [Одна] **Неизвестная** пожилая беженка **продрогла** и проснулась; [от холода] она [укрыла получше] спала вместе с ребенком лет пяти на солдатской шинели, а сверху на ней была одета лишь рабочая блуза, выпрошенная наверно у чужого порога. Беженка жалко посмотрела на Якунина, закуривавшего сигарку для согревания. «Пани!» — сказала беженская женщина, [После разговора,] [а далее Якунин ничего в начале не понял, что она говорила]¹⁶

---

¹⁶ На этом текст обрывается.

Ед. хр. 36, 2 л., без даты.

1.

ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ¹

⟨Л. 1⟩

Рассказ.

Виктор Викторович Пашков не был злым или добрым человеком; [но] он был деловым работником среднего возраста, приблизительно лет сорока. Однако, благодаря спокойному, выдержанному образу жизни, **нормальной упитанности, свежему лицу** и вере в химическую науку, которая **одна** [мо] вполне могла осчастливить человечество, Виктор Викторовичу на вид было меньше сорока — лет тридцать с небольшим; кроме того, не желая преждевременно ветшать, Виктор Викторович занимался гимнастикой и ел мясо лишь для восстановления тканей в своем теле, то есть умеренно, а насыщаться старался преимущественно [овоща] овощами и фруктами, запивая [их] пищу нарзаном или виноградным соком. Заработок//

---

¹ Рассказ под таким заглавием неизвестен.

1.

«ГУМАНИСТ».¹

⟨Л. 1 об.⟩

Рассказ.²

---

¹ Рассказ под таким заглавием неизвестен.

² Это заглавие не сопровождается никаким текстом. Судя по семантике, оно, вероятно, является вариантом заглавия «Челове-

⟨Л. 2⟩ 2.

у Виктора Викторовича был достаточный, жены и потомства он не имел, и поэтому [*в по*] ему нетрудно было соблюдать такой жизненный режим, который в идеале **мог дать** достигал **личное бессмертие** личного бессмертия. «Смерть выдумали предельщики» [*пр*] пришел однажды к выводу Виктор Викторович — «Человек относится к своему телу, к своей личной жизни, как вредитель, как диверсант, и в результате — погибает; его родили, его выкормили, на него государство огромные суммы затратило, а он **этого не понимает** — он поработает немного, проживет лет до сорока, до пятидесяти и уже кончается, не оправдав расходов, потраченных на него: [*див*] вредитель!¹ — окончательно убедился Виктор Викторович. Он любил сливочное масло — за его вкус, **за** легкость усвоения его желудком и питательность; он намазывал его на хлеб слоем в десять миллиметров²»

колюбие». Оба заглавия в соотношении с имеющимся вариантом текста рассказа имеют сатирический оттенок. Тематически отрывок можно отнести к так называемой теме нового человека, которую Платонов разрабатывает как в публицистике, так и в художественных произведениях. Сохранился отрывок в «Записных книжках» (17-я книжка, 1938 год) с таким же заглавием: «Рассказ: „Гуманист“ — как, работая в Инст(итуте) смазочн(ых) масел, „Гуманист“ открыл электрический способ облагораживания характеров людей» (Платонов А. Записные книжки. С. 209).

Понятие гуманизма в литературном пространстве актуализировалось в начале 1930-х годов в дискуссии РАППА и «Передела», во время которой оно активно обсуждалось.

¹ В 12-й записной книжке 1935 года Платоновым сделана запись: «Человек, захотевший победить СССР, — и питающийся научно, химически, чтобы прожить 500 или 1000 лет, — пережить всех» (Платонов А. Записные книжки. С. 159).

² На этом отрывок обрывается.

Ед. хр. 31, 1 л., карандаш, без даты.

⟨Л. 1⟩ 1.

[Андрей Платонов.

ХЛЕБНАЯ ЭНЕРГИЯ

В этом очерке будет изображен лишь один человек, и не вся его жизнь, а только часть ее — та его деятельность, которая, по нашему мнению, имеет общую пользу

и общий интерес. Все остальное, может быть важное, в нашем описании опускается из жизни этого человека, **опускается** (<,) пусть это даже идет за счет обеднения образа этого человека. Нас, в данном случае, интересуют не прелесть, не оригинальность описываемого человека, не его типичность или, наоборот, исключительность, а только [*его*] те усилия, которые он совершил в направлении к всемирно-исторической истине человеческого общественного существования — к коммунизму. Он и сам определял так ценность своей жизни, не [*прояв*] проявляя интереса [*нрзб*] к другим событиям своей судьбы. Он сам называл себя¹]

---

¹ На этом фрагмент обрывается. Вероятно, замысел наброска примыкает к тематическому пласту, условно обозначаемому нами как «новый человек» (см. примечания к отрывку «Гуманист», наст. изд., с. 487).

Ед. хр. 32, карандашный набросок, 1 л., без даты.

24.

(ХЕМИНГУЭЙ)

(Л. 1)

И Хемингуэй пишет новое художественное произведение, большое по замыслу и материалу, — пьесу «Пятая колонна». Посмотрим, нет ли в этом произведении [*новой попы*] нового усилия автора, **направленного к тому**, чтобы изобразить **человека**, столь необходимого и для нас, читателей, и для автора, — [*человека*] **человека** [*способного прео*] преодолеть¹ империалистическую, фашистскую действительность и выйти из нее свободным²

---

¹ Рядом на полях стоит знак вопроса.

Набросок представляет собой начало очерка о пьесе Хемингуэя «Пятая колонна», задуманном в продолжение двух известных очерков Платонова об этом писателе. Даты на рукописи нет, но исходя из того, что пьеса «Пятая колонна» была переведена на русский язык в 1939 году, очерк нужно датировать не ранее этого времени.

² На этом текст обрывается.

⟨Л. 1⟩

ЧАПЛИН В МОСКВЕ.

Пьеса.

Действующие лица:

[*Чарли Чаплин*]

1. Чаплин (Карп Захаров):

[*2. Юшка,¹ мальчик лет 15-ти 17*]

2. Володя, мальчик 15—17 лет.

3. Дуся,² девушка, ровесница Володи.

[*4. Старуха-мать*]//

⟨Л. 2 об.⟩

4.

Целует ее с цветами в руках, та боится уронить цветы и не сопротивляется.

[*И над всеми почившими миром*]

Светит солнце, сердце мое дышит,

Над могилами трава растет.

[*Мать моя*] **Там сестра моя** лежит мертва,

Меня не слышит

[*но я. А*] Но душа ее во мне

[*И плачет, и живет*]³

I. Мальчик, которому не везет: все кирпичи, камни его падают в окна и т. д. Вечная жизнь в виде (старухи)

Ia — копирующий взрослых чертенюк.

II. Дуся — святая и практичная.⁴

III. Чаплин — человек, решивший устроить **всеобщую** жизнь наконец, не понимая, но попадая в такт истины.//

⟨Л. 3⟩

1-е действие.

Возвышенность над городом Москвою: может быть, Ленинские горы.

Чаплин⁵

---

¹ У Платонова имеется рассказ с заглавием «Юшка». Этой уменьшительной формой от имени «Андрей», называли близкие будущего писателя в детстве. В «Записных книжках» имя встречается и в более позднее время, например в заглавии одного из отрывков: «Юшка, любитель России» (*Платонов А. Записные книжки. С. 275*). По предположению Н. В. Корниенко, «возможно, Платонов перерабатывал сюжет довоенного рассказа о смиренном Юшке в новое повествование» (*Там же. С. 409*).

² Это же персонаж обозначен в действующих лицах второго наброска к пьесе «Тит» (см. наст. изд., с. 524, 526, 527).

³ Слева от этого четверостишия нарисован скрипичный ключ.

⁴ См. сн. 2.

⁵ На этом рукопись обрывается.

⟨Наброски к неустановленным произведениям
и списки действующих лиц⟩

⟨Л. 1⟩

1.

В деревне Подклетное жил старый дедушка Тит.² Ему уже давно [сравнялось] **сравнялось** сто лет, а теперь еще более стало. Правнуки его были на войне, а внуки его жили отдельно от него в дальних местах [либо], а иные уже умерли по старости лет.

Сейчас с дедушкой Титом жила одна его внучка Поливаниха, которая тоже [*Уже была уже уже старой/старой была*] давно постарела.

Когда ее спрашивали [*малолетние <дети>*], сколько же времени дедушке Титу, [то] то Поливаниха говорила://

2.

⟨Л. 2⟩

— Да вот ты считай — сколько: когда я еще маленькой была, то он уже старый был, а теперь мне, что же, мне без трех семьдесят будет, а я ему внучкой прихожусь, — вот ты и считай, сколько нашему дедушке Титу!

[— *А мы сочли уже, — говорили дети бабушке Поливанихе. — Дедушке Титу второй век пошел, а первый век, ровно сто лет, он /у/ прожил уже.*]

Старый был дедушка Тит.//

⟨Л. 3⟩

1.

Отгородил орденами сердце от людей.³

В недавнее время жил на берегу реки Воронеж один старый человек, **должно быть**, самый старый [*во всей Воронежской области*] во всем городе Воронеже. От роду ему было сто четыре года, звали его Артемий Дмитриевич Дёжкин;⁴ но в последние полвека его жизни все, кто знал Дёжкина, уже забыли его полное имя и звали старика Митричем. Сперва, по первоначальной старости, Митрич **Дёжкин** был седой, как все старики, а потом, ближе к ста годам,⁵ он стал бурый, точно ржавь пошла по [его] его [воло] бороде и волосам, а кожа **к этому сроку** у него [стала] потемнела и стала походить **по цвету** [цветом]

¹ На л. 26, 27, 30, 32 — карандашные рисунки Платонова.

² Имя «Тит» не раз встречается в черновиках писателя. Например, в наброске к пьесе «Тит» (см. наст. изд., с. 523).

³ Обведенная рукой Платонова надпись на полях.

⁴ Отрывок соотносится с рассказом «Житель родного города (Очерк о живописце И.П.Коншине)», впервые опубликованным в журнале «Огонек» (1946. № 38/39. Сент. С. 29—30). В опубликованном варианте Артемию Дмитриевичу Дёжкину 97 лет.

⁵ На полях надпись: «⟨Никитина⟩ он знал 1862 г.»

на торфяную землю. Сам Митрич понимал свое положение и, [трогая] и, пробуя рукою лицо, говорил: [Великие годы живу — почва́ по телу]//

⟨Л. 4⟩ 2.

— Великие годы живу: [почва́] почва́ уж [на теле] на теле растет. А жить все одно надо: живется! [Что ты будешь делать!]

[У Дёжкина]

Дёжкин жил в деревенском доме, обмазанном глиной; в доме была одна комната с печью и сени. Этот дом сложил когда-то сам Дёжкин, полвека тому назад; сложил он себе жилище на время, чтобы потом постройться лучше и просторней, но каждый год откладывал работу — то некогда было, то материал//

⟨Л. 5⟩ [⟨Автомат⟩] ⟨нрзб⟩

— Говорят, что солдат ест много, что солдат спит долго и что солдат курит по три цыгарки подряд, а четвертую за уху в [запас] резерв прячет! — произнес майор Лебеда.

— Это правда. Солдату в боях, в наступлении некогда отдохнуть и [кушать] покушать иногда [не приходится] не приходится, [а пайка табака его ⟨нрзб⟩ в обозе лежит, а обоз отстал. Вот солдат и действует, а табачный паек его в обозе едет, а обоз отстал]//

⟨Л. 6⟩ 1.

Жили-были люди на свете. При людях жили коровы, лошади, куры, собаки, кошки, [и] голуби, воробьи, мыши, блохи и [мухи] мухи.

[Больше всех / Собаки любили людей больше всех других животных и птиц]

[Больше всех любили людей собаки. Человек бил собаку, заставлял /е/ее служить по ночам, охотиться на диких зверей. / Все эти животные и птицы]

И коровы, и лошади, и куры, и голуби, и воробьи и другие твари давно привыкли к человеку [однако больше всех больше всех], а любила его [человека] только одна собака. Старые собаки еще помнили, за что они любят человека, а молодые собаки забыли и любили человека, не зная [за что]

[Старые собаки, которые уже умерли, помнили от своих родителей, за что надо любить человека. ⟨нрзб⟩ В старину

Да и старые собаки уже не знали точно]6//

---

⁶ В платоновском bestiarii собака занимает важное место: «Человек вышел в люди, опираясь на собаку» (Платонов А. Записные книжки. С. 223).

1.

— Нефанатики мне не нужны! — сказал командир **стрелкового** батальона, капитан Нечаев, [Нехаев] Иван Михайлович. — У меня все фанатики. Я сам тоже фанатик!

— А парикмахер? — спросил я у капитана.

— Он тоже у меня фанатик! — утвердил капитан [Нехаев] **Нечаев**. Нефанатик — это бездельник!

[А фанатик — это что, товарищ капитан?

Фанатик?.. /это/ Я со/Это это, /то/н/ нам как раз нужно — я со/что нам как раз нужно — самая большая любовь даже к самому малому делу, чтоб у человека сердце скрипело — от ярости в бою и от страсти /в р/ в любой работе... Это вера в родину и новая стратегия! Вы увидите, вы тоже будете фанатик!]

У меня тут все: и война и мир сразу! Облегчение родины: его ⟨нрзб⟩ вот стратегия.// (Л. 12)⁸

2.

(Л. 13)

[Это все!

Да, это все. Объяснил капитан Нечаев.⁹

Но я такой был человек.]

Этот капитан жил и действовал на войне, пребывая в постоянном восторге. Смуглый, худощавый и веселый от собственной энергии, он соединял в своем характере жесткость солдата с добротой счастливого сердца. Один боец на мой вопрос — хороший ли у них командир? — ответил мне: «Ничего... Он нескучный. От него пользы много, а покая нету!»]

[2] [Но я такой человек/ Капитан и говорил с фанатизмом, /стараясь/ желая быстро убедить в своей/ тратя ради убедительности все свое сердце и всматриваясь в меня.]] (Л. 14)

1

(Л. 15)

[Старый человек, командир]

⁷ Л. 6—10 занимают наброски к пьесе «Голос отца» («Молчание»), опубликованы А. А. Харитоновым в сб. «Из творческого наследия советских писателей» (СПб., 1995. С. 391—425).

⁸ Этот лист не имеет платоновской пагинации, по всей видимости, он был механически вложен сотрудниками Рукописного отдела ИРЛИ между предыдущим и следующим листом.

⁹ В рассказе «Труженики войны» (1943) действует сапер Нечаев. Фамилия использовалась писателем и в более ранних замыслах. Например, в рукописной вставке, обозначенной им «У», к рукописи «Впрок» действует Ефим Нечаев, в окончательном варианте превратившийся в Пашку (см.: Корниенко Н. В. История текста и биография... С. 151).

Партизаны [заму] замучили врага... Сражения с ними не давали немцам победы. Тогда немцы открыли против партизан [и им явно и тайно сочувствующего белорусского народа] духовный поход.¹⁰ Для возглавления этого похода они [при] командировали в один из районов Белоруссии, [в котором немцы таяли и томились от партизанского огня и меча] особоуполномоченного Геббельса — некоего Кабачкова, по происхождению будто бы венгра.//

(Л. 15 об.) Кабачков **объявил**, [через объявления и листовки объявил] что в данной местности начинается длительная кампания по организации

(Л. 16) [В начале нынешней войны один наш генерал держал /св/ со своей частью оборону. Положение этой части было тяжелое]//

2.

у нас времени нет, я не могу откладывать операцию; [,] и обеспечивать ее кустарно, идти на **лишние** потери [лю] людей я тоже не могу.

[— Нарочно тут сделать ничего нельзя, — произнес Осоргин. — /Он/ Нарочно ни дети, ни]

(Л. 17) — Я это знаю, Евгений Сергеевич, произнес Осоргин. [— Я еще не знаю, что я тут придумаю, и не знаю, что сделаю. Но я начну думать]//

9.

[⟨«Ду»] Командиру **было известно**, [знал] что прибыл Кабачков, он знал [⟨нрзб⟩] даже, что [за обедом] после обеда Кабачков [упо] употребляет французский коньяк [и любит] **и** что он привез с собой [девушку с толстой длинной косой] в должности секретаря [девушку] прекрасную девушку-пленницу с толстой длинной косой; эта девушка готовила ему на завтрак яичницу, днем печатала на машинке инструкции населению, [в которых/ как надо ему с уговором] в которых сообщалось, как надо жить и давались указания, что [с точными/ где излагались все разные правила как надо жить и сообщалось, что/ жизни и содержалась поэзия, что жизнь] на свете быть живым хорошо [чтобы] (дабы население не [решило] **подумало**, что [⟨смерть⟩] смерть лучше существования). А по ночам, [пленница] когда Кабачков засыпал, утомившись от дневной деятельности, коньяка и любви, пленница выходила на крыльцо, [плакала] пела свои чешские песни и плакала.

[Партизанский командир все это /понимал ⟨нрзб⟩ с точностью/ своим здравым смыслом: враг должен не-

¹⁰ Подчеркнуто Платоновым.

прерывно одурять свой рассудок, чтобы терпеть свое пребывание на чужой, жестокой земле.]]

10.

⟨Л. 18⟩

[Иначе он не мог бы]

[Командир понимал]

Партизанский командир понимал, что без одурения **своего** рассудка немец не вытерпит жизни на русской земле. [Ко] Но его интересовала лишь гибель врага, а не [его] одурение его. Поэтому он размышлял сейчас, [что] что означает духовный поход Кабачкова, и ожидал возвращения Петруся. Петрусь [доложил] вернулся в ночь и доложил командиру свои сведения. Петрусь сказал, что духовный поход означает для немцев экономию средств: расстрелять сдавшихся партизан всегда дешевле, чем биться с ними бесплодно в [сра/лесн] лесных сражениях.

— Точно! — согласился [⟨нрзб⟩] **командир**. [Но партизаны не сдаются ...Где/ Зарембо?] А где Зарембо?

— Записан мною на свой счет, товарищ командир... Он мне высказал, когда мы шли туда, что [скажет] хочет жить на покое. Он хотел дать немцу сведение — где наш командный пункт, а потом податься в Германию на подданство...//

11.

⟨Л. 19⟩

— А он сам не знал, где он есть, **наш командный пункт**, — сказал командир. — Зарембо знал ложный, маскировочный пункт. Он правды не видел.

— Пусть и о ложном он теперь молчит, — произнес Петрусь.

— Это точно. А далее что?

— Далее **будет** — [будут, карательные отряды/ отряды/ от] обыкновенно что — карательные отряды. Ведь что ж немцу делать — войдите, товарищ командир, в его положение — ему [плохо стало] худо стало от нас: [всю жел] мы всю железную дорогу на тбле, как на балласте, держим — им на фронт проезда нету, ни туда, ни сюда. Охрана их с [овча/ овчарка] овчарками ходит по пути, да что ж зверь против нас — чело-века!..

— А ты выведаль, сколько их, карателей?

— Я выведаль... Всего будет на подходах к нашей зоне одна тысяча бойцов; немцев, люди говорили, штыков двести, а прочие — босота.//

12.

⟨Л. 20⟩

— Босота тоже стрелять в нас будет, — определил командир, [Ничего, рассудил Петрусь.]

Ничего, товарищ командир, — рассудил Петрусь, — [от них нам оружие и припас останется] мы [ей] **им** много стрелять не дадим, а от них, мертвецов, нам оружие и припас останется...

— Хорошо, — сказал командир. — Теперь давай сообразим нашу **встречную** операцию.

После обеда и **обычного сна** [успоко/сытого сна] Кабачков стал искать решения — как ликвидировать партизан в данной зоне без особой затраты государственных средств и [вой] воинской силы. Решения к нему приходили [не] не подходящие.//

⟨Л. 20⟩

1.

Шло время прекрасного лета. Свет и тепло питали леса, хлебные нивы и цветы, а ветер соединял [дыхание] и смешивал дыхание всех живущих на земле, чтобы каждый живой чувствовал другого живого, все равно — далекий он или близкий, знакомый или непонятный. Антон Александрович¹¹ Гвоздарев¹² шел лесом, затем вышел в чистое поле, и все время **он ощущал** благоухание трав и цветов, переживая в себе чужую жизнь, далекую от него по духу и по физическому существу. Гвоздарев(,) однако(,) не любил переживаний и настроений; более важным он считал размышление или соображение, и лишь в этом, как он думал, состоит полезное призвание человека.

Легкое облако затенило солнце и лицо всего ближнего//

⟨Л. 22⟩

2.

переменилось, словно легкая мимолетная дрема коснулась [земли] природы и она прикрыла сумраком свои блестящие очи.

Гвоздарев поглядел на облако, застывшее было солнце; облако оказалось ничтожным по размеру, легким, как дуновение, и вот оно уже растаяло в небе. Гвоздарев подумал, что такое облако можно образовать из одной бочки воды, однако его достаточно, чтобы закрыть солнце.

[Бочкой воды можно на время затемнить/погасить/солнце — это было глупо, но приблизительно верно; влекущий же/ прелестный же/облик земли, рост трав

---

¹¹ Антоном Александровичем зовут героя отрывка «Долгота жизни» (см. наст. изд., с. 480—481).

¹² Фамилия Гвоздарев встречается в неоконченной повести «Дар жизни», над которой Платонов работал в 1920—1930-е годы.

и хлебов,/зависел/зависел однако от/все, с чем связано сердце человека и жизнь его, зависит/однако/иногда от **подобных** пустяковых явлений; пусть эти явления остаются — да не истощится разнообразие природы и не /нарушится/ умалится ее /меняющаяся/ изменчивая прелесть! — Но зависимость от них человека должна быть уменьшена.//

3.

(Л. 23)

— Безобразие! — подумал Гвоздарев. — А на вид прекрасно: и **солнечный** свет прекрасен, [и *тьень*] синяя тень хороша... Что тут делать!

Вообще-то уже давно Гвоздарев во всякой видимой красоте подозревал затаенную хитрость, а(,) может быть(,) даже и подлость; он допускал, что красота **лишь** маскирует собою глубокое безобразие **нравственного или умственного строя человека**, [*порочное или неисправимое нарушение*] неискоренимое нарушение **либо другое порочное нарушение** души. [*Нрзб*] В первый раз Гвоздарев убедился в этом еще будучи совсем молодым человеком, когда [он был] **учился** на последнем курсе механического факультета; он познакомился тогда с Женей Кузьминой,¹³ студенткой 1-го курса того же факультета. [*Женя Кузьмина была столь прелестна внешностью и лицом /с его/ и кротким, доверчивым выражением его, и смущенным движением рук, и напряженным вниманием открытых серых глаз, ожидающих увидеть чудо в каждом человеке, — что Гвоздарев, увидев ее первый раз*]¹⁴//

«Бог» живет в самом «низу».

(Л. 24)

Для образа [...]

1) Расстрел портрета изменившей жены.

2) Разговор о товарищах: интерес духовный лишь (к ним).

Эпизод произошел в шести километрах от (нрзб) Виллиса, несла она ран(еного) четыре километра до стога сена.//

¹³ Фамилия Кузьмина принадлежит одной из героинь «Счастливой Москвы».

¹⁴ На этом данный отрывок обрывается. На л. 23 об. находится детский рисунок, судя по изображению, ребенку 3—4 года. Вероятно, это рисунок маленькой дочери Платонова. Этот факт может послужить для датировки отрывка.

⟨Л. 25⟩

Слуш. Воен. Акад.	Герм.	Георгиев[ич]ский, Леонид [Семенович] Сергеевич — [летчик] [артел]
		Оппоков, Семен Терентьевич — артиллерист [летчик]
	Другие, <u>не воевавшие</u>	Печенкин [⟨Вла⟩] Владимир Иванович — арт.⟨иллерист⟩ Есин, Николай Спиридонович — летч⟨ик⟩
	⟨Порт.⟩	[Бу] Беляев, Петр Никодимович, парторг. Минаков, [Федор] Евг⟨ений⟩ Федорович, н-к Академии.
	<u>Слушат.</u> Жен. поним. ⟨нрзб⟩	Макеева, Ирина Гурьевна

по кривой

//

⟨Л. 26⟩¹⁵

Действующие лица:

Школа, больница, дом, тюрьма.

1. Старый старик Старый врач лет 70-ти.

2.

3.

4.

5. //

⟨Л. 27—28⟩

⟨Фрагмент пьесы «Голос отца. Молчание»⟩.¹⁶ //

⟨Л. 29⟩¹⁷

Животные и то свободней.

⟨нрзб⟩ осодмилец

Жалкий, мировой человек.

¹⁵ Лист испещрен карандашными росчерками, мелким орнаментом и геометрическими фигурами.

¹⁶ Оpubл.: Из творческого наследия русских писателей XX века. С. 408—409.

¹⁷ Разрозненные записи сделаны карандашом, расположение на листе произвольное.

О рабыне-батрачке,¹⁸ бежавшей из Эстонии в Россию.

Ноги худые, изящные, как у козы.

Рассеяться среди людей.¹⁹

Свернуть было нельзя из-за глубоких снегов (один-два отъезда в сторону были).

Злость связана с движением вперед, (либо) с результатом движения ((...))

(галантерейные) будки наземь.

Христос тоже на гольшах спал.²⁰

Излишнее воодушевление сердца.

Мы не можем делать блага, **если** не способны получить его сами.

Душа (—) это воображение другой жизни, др(угого) существа.

Какие-то «трансэнергокадры»!

Спрятавшаяся Атлантида.²¹

Ищут слова, чтобы рассеялась морока лжи в мире.

Я поеду не по [пути] быстрому пути, а медленно, чтоб можно было идти по людям.

Душа наша рождается лишь тогда, когда она истекает из нас в (другого).

Любовь есть взаимное подхалимство.

Убийство женщиной мужчины, п(отому) ч(то) она не могла, не хотела любить его, не могла отдаваться ему, а он брал ее и оскорблял этим ее душу.

Стратилат²²

---

¹⁸ В РГАЛИ имеется набросок пьесы «Рабыня» (ед. хр. 98). Правда, героиней здесь является русская женщина, угнанная в Германию.

¹⁹ Рассеяться среди людей мог у Платонова как человек (см.: Сарториус, финал «Счастливой Москвы», «Московской скрипки»), так и Бог.

²⁰ Сравнение с Христом часто встречается среди записей Платонова в «Записных книжках»: «Социализм пришел серо и скучно, (коллективизация) как Христос» (с. 41). Данная запись соотнесена Н. В. Корниенко с соответствующими строками из «Котлована»: «Исус Христос тоже, наверно, ходил скучно, и в природе был ничтожный дождь... Христос ходил один неизвестно из-за чего...» (Платонов А. Записные книжки. С. 332).

²¹ Атлантида часто встречается в записях писателя. Это — знаковый культурно-исторический образ для Платонова: «Атлантида завела „культуру“ — направила все принципиально черт знает куда (через Азию, Грецию, Рим etc.), а сама спряталась потом в воду: катись, я вас разыграла» (12-я записная книжка 1935 года (Платонов А. Записные книжки. С. 156)).

²² Имя Стратилат часто используется в текстах Платонова разных лет. Такая приверженность, возможно, объясняется тем,

Никодим²³ Матвеев Якунин
Климентов²⁴//

(Л. 30)²⁵

За индустрию
За индустрию социализма!
Tristan: Isolda²⁶

1. Снабженец
2. Изобретатель.
3. 31 года
4. //

(Л. 30 об.)²⁷

Никодим Васильевич Немтырев²⁸
Комягин²⁹
(Робров)
Кихот
Жовов³⁰

что мученик Андрей Стратилат, чей день празднуется 1 сентября, является святым покровителем Платонова, родившегося в этот день.

²³ Имя Никодим имеется в черновых записях и текстах Платонова, например в 4-й записной книжке. В данном наброске оно соседствует с именованьем Стратилат и сопровождается фамилией Якунин. Оба номинативных расширения встречаются в текстах. Никодим Якунин присутствует в набросках под заглавием «Предисловие» (наст. изд., с. 482, а также в «Записных книжках» (с. 400) и др.). Упоминание одного имени «Никодим» есть в 21-й записной книжке 1942 года (с. 236), в «Записях разных лет» (с. 265). Сочетание «Никодим Стратилат» — в 11-й записной книжке 1943—1944 годов (*Платонов А. Записные книжки*. С. 147, 150—151).

²⁴ Фамилия повторяется на листе много раз. В черновых набросках «Котлована» такую фамилию имеет один из главных героев, затем она заменяется на фамилию «Чиклин» (см. об этом: *Платонов А. Записные книжки*. С. 331). Фамилия встречается неоднократно также в «Записных книжках», например, в 3-й (с. 39).

²⁵ На листе многократно в полном и сокращенном виде повторяется фамилия «Прошкин», иногда — «Трошкин». Сбоку изображен деревянный ковш или сковорода.

²⁶ Имена на листе повторяются многократно.

²⁷ Приводимые на данной странице имена и фамилии повторяются по много раз.

²⁸ Героем рассказа «Старый Никодим» является Никодим Васильевич Рыбушкин. В 1942 году сборник «Рассказы, были», в состав которого входил рассказ «Старый человек Никодим», был отклонен (см. об этом: *Корниенко Н. В. История текста и биография...* С. 282—283).

²⁹ Комягин — фамилия, созвучная фамилии персонажа из романа «Счастливая Москва», «вневойсковика» Комякина.

³⁰ Фамилия Жовов неоднократно встречается в 6-й записной книжке 1931 года (см.: *Платонов А. Записные книжки*. С. 74,

Можев
Евдокия
Вожеватов

Наша вся жизнь — в ученьи опытом, чувством, страданием.//

1.

(Л. 31)

Нем

Хромолыдка

Маркун³¹ Иван

Немтырь, Никодим Немтырь, Хромолыдка,³² Конек-Горбунок.

[Вечные звезды сияли / на/ на на небе, /но/ подобно недостижимому утешению; / Не есть ли ночное небо лишь книга в одну открытую страницу.

*Но земля под небом была уютна и мила для жизни. На земле **имелось** было все достаточное(,) но это и **поэтому** видение звезд лишь обозначало, потому что / <нрзб> что доб] но если это утешение для нас **недоступно, следовательно,** земля под небом должна быть [по тем] для человека прекрасной и милой, потому что жизнь на ней безвыходна, — помимо земли нам негде существовать / потому что мы на ней должны жить [безвыходно] безвыходно.*

См(отри) на об(ороте)]

РОСТ, Панютино

Освещенные [блестевшие на небе горы тьмы]//

Мы своими чувствами окружены, как стенами и отгорожены ими. (Л. 31 об.)³³

Бессмертие конечно есть в каком-то виде; в индивидуальном виде бессмертие не только не нужно, но и отвратительно и не надо <нрзб>

Не Христос и не Антихрист, не среднее, а другое — не третье, а другое именно.

76, 77), в 8-й записной книжке 1931—1932 годов (см.: Там же. С. 94—98, 100, 103, 105, 106, 116).

³¹ Имя заглавного персонажа фантастического рассказа, впервые опубликованного в журнале «Кузница» (1921. № 7. С. 18—22).

³² Возможно, это имя несет в себе мотив увечья Москвы Честновой.

³³ Большая часть листа испещрена фамилией «Ермилов» в полном и сокращенном виде. С критиком, идеологом РАППа, В. В. Ермиловым у Платонова складывались непростые отношения. В 1939—1940 годах они были особенно драматичными. См. об этом: *Корниенко Н. В.* История текста и биография... С. 240, 250—258; *Перхин В. В.* Русская литературная критика 1930-х годов. СПб., 1997. С. 61—64.

Ситуация: Умирает старуха и не умерла, п. ч. не хотела разбудить мальчишку!³⁴

Угольник-стол, где гадил мальчишка, и мальчишка потом стал единственным [свидетелем] **ВИНОВНИКОМ** ее спасения.

Насимовна

Жизнь в том, чего ты избегаешь.

Хромольдка, Конек-Горбунок,

Эх, век тебя не видать!

Сидит, у него на столе бумаги,

Я гляжу, а это паразит!

Иван Простых.³⁵

〈слева от следующей записи помещена нотная фраза. — Е. К.〉

Костыль: когда я буду холодеть, я им постучу об пол ты проснешься и попросишься со мной. **А сейчас спи!**³⁶ //

〈Л. 32〉³⁷

2).

3). 〈Нрзб〉//

〈Л. 33〉

Тема самая естественная: международное столкновение людей, как доказательство ощущения или своей божественной причины — и высшее, т. е. примирение — как сознание, что и в другом человеке есть то же самое, что в нем. Но лишь разница ото всех составляет смысл существования этого человека.//

〈Л. 34〉

Драма (театр) — для буржуазии, для интеллигента.

Ужас — для народа (пусть это наз. «ги(пноз)»)

(Травля вдовы с двумя детьми, вдова [даже] детей даже на работу берет с собой, [иначе] так обижают детей, — и травля со стороны обеспеченных людей и их детей).//

〈Л. 35〉

[2]

5

Мы [шли] **направились** с ним проселочной дорогой по еловому лесу. Уже смеркался недолгий [ноябрьский робкий день. Глубокий согревающий снег] робкий день ноября месяца. Маленькие ели стояли [живые и тихие]

³⁴ Ситуация воспроизводится в рассказе «Свет жизни» (Впервые опубликован в журнале «30 дней», 1939. № 8/9. (С. 7—15)).

³⁵ Иван Простых — главный герой рассказа «Сын народа (Офицер Простых)», впервые опубликованного в газете «Красная звезда» (1944. 26 мая).

³⁶ Запись вошла в рассказ «Свет жизни» (Платонов А. Свет жизни // Платонов А. Свежая вода из колодца. Кемерово, 1984. С. 88; см. также сн. 32).

³⁷ Небольшой обрывок листа с изображением мужского профиля, многочисленными портретными набросками и изображением геометрических фигур.

возле дороги живые и тихие, укрытые глубоким согревающим снегом. В глубине леса невидимые птицы негромко переговаривались или *[напевали]* **бормотали** короткие песенки, имевшие для них, должно быть, деловое жизненное значение. Две пушистые//

[3]

⟨Л. 36⟩

6

серо-зеленые птички сидели *[у нас на виду, под покровом бок о бок, рядом]* бок о бок на ветви, тесно прижавшись друг к другу; поверх их головок висела покровом другая, заснеженная, густая ветвь, и птички молчали, *[словно полные]* не ласкаясь и не *[имея заботы о/св/своих детях и о своей нужде, словно они]* шевелясь, словно погруженные в долгое духовное размышление.

Капитан Тихомиров//

[4]

⟨Л. 37⟩

7

остановился и задумался *[сам]* **перед лицом этой малой и возвышенной жизни.**

— Посмотрите, это лучше весны, — сказал он затем. Природа *[и]* зимой *[не мертва...]* **как девушка...** А весной *[слишком]* все слишком шумно, яростно, **даже немного бесстыдно** *[ослепительно и так о]* и бестактно. Там одна материальная часть, а здесь — духовная. Посмотрите, сейчас жизнь *[су]* здесь существует **в таком своем блаженном** *[прозябании]* прозябании, **в каком ей хорошо быть.** А *[весной и летом она в таком страстном и мучительном движении...]* Птицы сейчас не размножаются, но//

[5]

⟨Л. 38⟩

8

они любят друг друга смирной любовью; деревья не растут, *[⟨но⟩]* **они только** дышат и дремлют; земля спит, уставшая **от всех нас, надоедливых жадных ⟨чертей⟩.** *[Любить, рожать и кормить шуметь]* *[Да, это верно —]*

Такая *[священная]* **святая** зима не хуже лета и весны... Я люблю ее!

Капитан Тихомиров снял теплую шапку, потому что день был нехолодный и ему хотелось **дышать просторней.**

[Я загляделся на него] Я *[поглядел]* **загляделся** на него; меня влекло к этому человеку. Тихомиров был еще молод,//

[6]

⟨Л. 39⟩

9

ему едва ли сравнялось тридцать пять лет, а на вид *[ли]* было меньше, потому что лицо его имело свежую чистую кожу *[а/ и глаза были б]* и серые глаза были ясны и откровенны, *[но]* как в юности. Но без шапки, с непокры-

той головой, Тихомиров казался [*старше своих лет*] **почти стариком**: он был лысым и вокруг его большой **детской** головы висели седыми клочьями оставшиеся волосы. Он их [*обычно приглаживал при*] **пригладил** и сообщил при этом: «последние резервы моего благообразия, **осыпается с меня жизнь**»..//

(Л. 40)

10.

Вздыхнув от жалости к постепенно утрачиваемой жизни, капитан тронулся далее [*среди тихой русской природы*] в зимнюю сказку русской природы, [*Если и вдохновение посетило*] и от вида **сей** кроткой **своей** родины вдохновение мысли посетило его.

— Если б, когда я только что рожался, или чуть пораньше, показали мне наперед всю мою жизнь: вот какой ты будешь, Николай Сергеевич Тихомиров, вот что с тобой случится, вот что придется тебе пережить, вот когда в последний раз [*ø*] вздохнет твое сердце, разбитое жизнью, **судьбою** или [*врагом*] врагом, то я бы наверно удивился, я бы испугался! — сказал Тихомиров. — А жить все равно бы согласился, — пусть будет все, что мне полагается **пережить**... Бессовестно было бы отказаться [*от*] от жизни, даже самой страшной,//

(Л. 41)

11.

самой мучительной!.. **Напротив того — всегда надо идти навстречу труду и мученью, здесь будет [*самый*] самый правильный, самый близкий путь жизни, я в этом уверен, я узнал это по своей судьбе. Не надо спешить сворачивать с этого пути в сторону, [*где*] куда заманивает нас счастье, там его нет... [*его нет*]**

— А с вами было страшное и мучительное? — спросил я капитана.

— Случалось, — сказал капитан. — сегодня [*было, сейчас есть... он вынул*] было и сейчас есть... На полевой почте я получил письмо от жены, ее [*захватили*] немцы **застали** в Луге, [*и*] она не сумела [*уе*] уехать. Письмо шло [*семь*] восемь месяцев, его [*дост*] доставили на нашу сторону партизаны, **и оно долго искало меня**. Жена мне пишет, что все люди у них умирают с голоду, а она умирает от любви ко мне, [*от тоски по нас*] и поэтому не может умереть с голоду, **он на нее не действует**...

Тихомиров продолжал затем:

— Но она [*умерла*] уже умерла теперь; она умерла от [*пули*] **немецкой** пули [*немецкого автоматчика*]... Она ушла к партизанам, чтобы вместе с ними [*выбраться к н/выйти к нам*] выйти к нам и найти меня, и в пути она погибла... От них пришли, говорят, [*трое/ шесть человек*]

шестеро партизан, а было их сорок человек. Она упала мертвой в мокрую холодную траву, худая от [*голода, любящая*]//

12.

⟨Л. 42⟩

голода, любящая меня...

Мы вошли в колхозную избу. В избе сидели двое красноармейцев, **боец и сержант**, вставшие навстречу капитану; на полу молился **на коленях** перед иконами старик, не обернувшийся на нас, пока не окончил молитвы.

— Отведи от нас напасть **своей** всемогущей рукой, [*дай нам жить в крото*] дай нам жить в кротости и кормиться твоими дарами, а врага нашего обрати в прах [*и мы спасшем/ мы*] и пусть земля [*его привет*] его примет навеки без памяти и не извергнет более, **пускай им черви насытятся и черви помрут**, — молился старый крестьянин.

Тихомиров послал [*красн*] бойца за своим помощником, лейтенантом Куприяновым.

— Доложи, товарищ Мокротоваров, свои соображения, — приказал Тихомиров [*другому бойцу*] **сержанту**: пришла ли почта, [*где посыл*] получены ли посылки [*с подарками*], [*где*] сколько не [*хватает*] хватает пар валенок и рукавиц до комплекта?

Сержант-сибиряк **слушал капитана** с умильным лицом, **столь почтительно и с таким умозрением**, в выражении которого//

13.

⟨Л. 43⟩

были одновременно доброта [*раздумье, расчетливость, раздумье и забота*], сосредоточенная осмысленность, **хитроумие** и озабоченность **на лице, точно он внимал важнейшим стратегическим рассуждениям маршала, будучи⟨,⟩ однако⟨,⟩ и сам при этом генералом**, кратко доложил:

— Известную вас, товарищ капитан: почты нынче нету, посылок тоже нипочем — а продукт в них преет, что известно бойцу, **обращаю внимание**, — [*валенки*] в валенках нехватка на восемнадцать пар, а [*ру*] теплых рукавиц излишек на сорок [*одну пару*] две пары и одну штуку, в бане [*мылся*] мылись все души поголовно, а частично мылись дважды...

— Как чувствуют себя бойцы? — спросил капитан.

— Каждый сообразно себе, товарищ капитан, случайности нету — кто жирует, кто скучает, — докладывал сержант. — В почте вышла задержка, в сердце получается боль по семейству, книги получены неинтересные, я читал — [*сюжета*] **сюжетности** нету, и бойцы слушают притчи стариков о [*борьбе добра и зла*] войне добра и зла.

— Пусть слушают, это хорошие притчи, — сказал Тихомиров. Как живет боец Адливанкин из третьей роты [?], из твоего взвода?//

⟨Л. 44⟩ 14.

[*Маскиру*]

— Обыкновенно, товарищ капитан: маскируется [пс] психом, а сам трус, — сообщил Мокротоваров.

Ошибаешься, он не трус, пришли его ко мне, — приказал капитан. — Трусов нету **вовсе**, [*сержант ушел*] тут есть непонимание бойца со стороны командира — с твоей стороны, товарищ Мокротоваров! А какие же мы с тобой командиры, если у нас в батальоне водятся трусы? Они же [*нерабо*] в бою нерабочие люди!

— Точно, товарищ капитан! — согласился сержант. — Он на смерть [*врага*] врага не работает, он на свою дрожь трудится...

[*Сержант ушел. Старый крестьянин, хозяин избы*]

— Это значит, что ты, товарищ сержант, совсем [*не потрудился для него, решил капитан, — ты только*] не потрудился для него, — сказал капитан. — Ты только решил, что человек трус и возненавидел его.

— Точно, товарищ капитан!

[— *Точно только что ты*]

— Что — точно? Точно — что ты не!

⟨Л. 45⟩ 29.

Старшина [*сержант*] ушел. Старый крестьянин, хозяин избы, задумчиво наблюдал за капитаном, как бы издали проверяя его — умен ли он и годится ли в командиры; **в тайне, но по справедливости, этот крестьянин чувствовал себя хозяином всего [мира] мира, перед которым все должны держать ответ.**//

⟨Л. 46⟩ 30.

15

[10]

[*работаешь на фронте, ты не думаешь, что делаешь. Ты трусов мне делаешь, ты харчи народа здесь переводишь зря! / с производства тебя*

Ступай!

Сержант ушел. Старый крестьянин, хозяин избы, задумчиво наблюдал за капитаном]

— Николай Сергеевич! — сказал хозяин. — **Может [свет-то пора зажигать — иль обождать? И самовар время / пора греть / самовар тебе поставить — покушаешь и чаем запьешь... / ставить — погрейся и покушай]** А то ты на одной душе своей держишься. Ты, поди, офицер, не простой боец...

[⟨нрзб⟩] **Солнце вышло из-за дыма горящих лесов** и осветило через окно внутреннее убранство старой русской избы: печь, стол и две лавки, красный угол, картинки на [б] бревенчатой стене — портреты петербургских красавиц девятнадцатого века, **страницу со [стихотворением из журнала] из детского журнала** со стихотворением «Корова Прова» [из детского журнала], несколько **желтых** фотографий [из] родных старого крестьянина, наверно уже давно умерших людей, житейскую утварь возле печи, — это было обыкновенное [место] жилище, в котором [зачи] рождались, проводили [жизнь] детство и проживали жизнь [почти все русские] в старину почти все русские люди. Все здесь было знакомо, просто и убого, но [милая] мило!

31.

(Л. 47)

[16]

[11] и привычно сердцу и не надоедливо как хлеб. [Без избы, как и без земли, не прожи] В таких избах мы все родились, в них пахнет грудью нашей матери и пóтом рубашки нашего отца. Без избы, как и без земли, как [без] без любви к родителям, жить нельзя, и поэтому можно умереть на ее пороге, но оставить ее неприятелю [невозможно] непосильно.

[Тихомиров]

В избу постепенно набирались красноармейцы **из резервной части**; они здоровались с командиром и молча [стояли] сидели некоторое время, глядя на хозяина-старика, на **ясный свет неба в окне**, [огонь в самоварной трубе], **медленно осматривая внутренность избы**, отогреваясь и отдыхая. Видимо, тут им было хорошо, в них оживало [ти] тихое чувство [дома] своего оставленного дома, отца и матери, жизненного мира и [по/ воспоминания] памяти о любимых людях. Эта [теплая] изба, **пропахшая хлебом и семейством**, воскрешала в них ощущение родного [дома] жилища, и они внимательно разглядывали [в старике лицо] старика, [словно] **может быть** угадывая в нем схожесть с отцом, и тем [они] утешали себя. Потом, [они] вздохнув **и погасив сигарки**, они прощались и уходили, но приходили другие, придумывая иногда пустяки, чтоб видно было, что они [явл] явились не зря.//

32.

(Л. 48)

[17]

[12]

Командир понимал настроение бойцов, — [и приглашал каждого] их кроткое недолгое счастье [довольства] довольства **одной видимостью** [родной] домашней **жизни** — [жизнью —] и приглашал каждого сидеть и курить, пока еще не вышло время.

Вскоре пришел **старшина** [*сержант*] Мокротоваров [*и привел / и привел бойца Адливанкина*] и с ним боец **Махров**. Тогда [*Тихомиров*] **Попов** выждал, пока все [*гостившие бойцы / гостившие в избе*] бойцы, гостившие в избе, удалились, а потом заговорил с **Махровым** [*Адливанкин*]. У этого бойца было большое лицо, но столь [*мучительно серьезное, что и*] напряженное и мучительно серьезное, что **оно казалось** [*делало его*] жалким; должно быть такой вид человека происходит от его **чуткой** [*болезненной*] впечатлительности и [*ожидания*] постоянного ожидания [*от жизни*] **чего-либо** ужасного и **внезапного** [*удивительного*].

[— *Боец*] — Красноармеец [*Адливанкин*, —] **Махров**, — сказал капитан, — [*двадцать восьмого числа*] два взвода меняли позицию и [*шли*] шли на сближение с противником, на **новое** исходное место — когда это было?.. Двадцать восьмого числа...

— В пятницу, — сказал [*Адливанкин*] Махров.

— В пятницу... Вы тогда [*остались*] отстали в промежуточном поле. Вы — что вы больны или вы — такой мудрец?

[*Я оробел*] — **У меня сердце нечаянно обмерло**, товарищ капитан, произнес боец.

[— *Да ведь противник (тогда не открывал)*]

(Л. 49)

35.

[20]

[15]

[— *Ты зря не поглядел ни разу / смерти в лицо / на смерть / близко на смерть*, — обратился капитан к Адливанкину. — *Будешь при мне на передовой вестовым, я тебе покажу близко, что такое смерть, которую делают наши бойцы, и ты увидишь, что она / простая и полезная*] нестрашная и полезная, как подкова [*какую ты / какие ты делал в кузнице в мирное время...*] Ты привыкнешь делать смерть, и будешь хорошим бойцом / тружеником]

[*Может, как*] пригляжусь, то [*обтер*] обтерплюсь... [*произнес боец. Я думал — на войне так суета*] Я думал — на войне так, **одна** суета, а я привык работать продукцию...

— На войне — мастерская, — терпеливо объяснял капитан. — Здесь теперь самое полезное производство для нашего народа — мы здесь тоже делаем продукцию: мертвого врага. А мертвый враг есть жизнь твоих детей, твоя жизнь, всего народа жизнь. Иди **теперь**... [*будешь на передовой при мне...*]

[*Адливанкин*] **Махров** и сержант ушли.

— Малый с головой, а сам сукин!

36.

[21]

[16]

сын, — решил хозяин старик. — Будь бы я при силе, я воевал бы теперь с жадностью, [как баба корову/ корову] аж сердце бы [наружу] от гневности наружу [выскочило] вышло.

— А ты же на бога одного надеешься, Иван Ефимович! — улыбнулся [Тихомиров] **Попов**:

— Бог идет у меня про запас: [объяснил хозяин]

А не тó — пускай он и первым [идет, а я позади не] идет на врага, **это глядя где мне прибыльней будет, [это смотря]** а я позади не отстану! Бог тоже небось солдат, — а кто же **он**, когда кругом зло лютует? Тогда он не Бог, я ведь так **смотрю!**

— Кто сейчас не солдат, тот не человек, Иван Ефимович, — [серьезно произнес] произнес капитан [Тихомиров] **Попов**

Конец.³⁸

— [Разрешите сказать, — и я с тем согласен, Николай Сергеевич! — сказал/хозяин/. — Да что ж, я вот **про себя скажу** — я живу на/на пенсии, а ведь без толку живу: сплю да кормлюсь, да глазами моргаю. А душа то во мне цела пока. И она скучает не при деле в такое время... Вот что я скажу тебе, Николай Сергеевич!

Тихомиров подумал и решил судьбу одинокого старика./Капитан/И/

37.

⟨Л. 51⟩

— Нет, правда твоя, — согласился хозяин. [Теб] — К тебе письмо я принес, Николай Сергеевич. Почитай, что пишут, должно быть, по семейному делу...

Попов [раск] осторожно открыл обветшалый конверт, [склеенный как хлебом и] прошитый ниткой посредине.

3.

Жена капитана Попова осталась в городе Луге, не успев уйти от немцев. Письмо **от нее** шло восемь месяцев и долго [искало] искало [его] по фронтам; письмо, видимо, доставили на нашу сторону партизаны.

---

³⁸ После слова «конец», написанного рукой Платонова, далее на той же странице сделаны записи, по содержанию соотносимые с предыдущим текстом.

Жена ему писала, что все люди у них умирают с голоду, а она умирает от любви к нему и поэтому не может умереть от голода. Она решила, писала жена, присоединиться к партизанам, чтобы перейти с ними фронт и найти в Красной Армии своего мужа, Попова.

«Так где же она? — озадачился капитан. — Она должна бы уже давно быть здесь».

(Л. 52) И он понял, что [случи] случилось [вернее всего жену,]//
38.

вернее всего: она шла через фронт с другими людьми и ее подстрелили, и она упала мертвой в [в м] мокрую холодную траву, худая от голода, любящая его.

Старик Иван Ефимович **внимательно** смотрел на капитана.

— По семейному, чтоль, делу пишут?

— По семейному, [Иван Ефимович], — сказал Попов.

И снова, как в [могучем] **смертельном** сражении [среды рвущего раскаленного о/ под огнем врага, рвущим в сухой ярости] среди огня, в сухой ярости разрывающего металл, [дрогну/ Дро] содрогнулось сердце у капитана Попова.

— Опять трепещешь? — сказал [себе] Попов **своему сердцу** — [самому себе. —] [живи терпеливо]. — Ничего — терпи и согревайся во мне.

Как врага, он подавлял в себе тоску, страх [тоску] и страдание, [чтобы быть готовым и свободным для/ в/ того последнего истинного страдания, которое /еще ожидает его] он еще не пережил и которое он тоже хотел одолеть³⁹//

(Л. 53)⁴⁰ 93.

массы, а также прочие тенденции. Особо же Ефим должен сосредоточиться на заграничном быте: сколько времени буржуй жует мясо во рту, долго ль беднячество будет обожать феодалов, и за что, как организованы там красота и счастье жизни и когда настанет мгновение раскулачивания? И еще должен Ефим справиться — хватит ли заграничным товарищам революционных сил или придется откомандировать туда кадры наших активистов, — тогда пусть они запомнят нашего дядю Лукьяна: он пойдет за границу

³⁹ На этом текст обрывается.

⁴⁰ Далее в РО ИРЛИ (ф. 780) хранятся 4 машинописных листа с чернильной правой от руки. Отрывок, вероятно, относится к периоду написания Платоновым так называемых былей, часть из которых вошла в повесть «Впрок». Вариант этого отрывка был опубликован Н. В. Корниенко в журнале «Новый мир» (1993. № 4. С. 115—117).

пешком и вручную ликвидирует все, **что прикажут** — будь то класс или племя или кирпичная постройка.

[— Скажи там, что у дяди Лукьяна рука — как чугунная болванка: что попало кроет, лишь бы директива была! Он у нас казенный перегибщик

С тем Ефим и отправился в буржуазию].

Достигнув капитализма, Ефим сказал ему: — Сволочь ты[:]! — И пошел ходить по одному всемирному городу, под названием Париж.

— Где тут такая контора, как у нас сельсовет? — спросил он у провожатого.

— На что тебе? — произнес провожатый.

— Пускай на удостоверении явку отметят[.], **а то я может быть не был тут?**

После отметки Ефим сказал, что здешняя контора велика для сельсовета — придется пойти поискать другое помещение для канцелярии парижской диктатуры.

Нашедши более подходящий дом, дабы загодя разместить в нем сельсовет, Ефим вошел внутрь его вместе с провожатым. Он хотел уже сейчас распланировать установку столов по комнатам.

— Тут сейчас беата[:]! — сказал Ефиму провожатый, — что обозначает красоту.

— Тем более, — определил Ефим. — Красота у меня в наказе есть, нам тоже ведь нужно какое-нибудь загляденье[:]! **Веди, подкулачник!**

94

(Л. 54)

В Институте Красоты их начали приветствовать. Ефим уже знал, что его советскую державу всюду боятся и не стал отвечать на поклоны, а сел посреди убранного зала и начал делать проверку всей наличной женской массе.

— Организуй красоту дальше! — сообщил он, а провожатый спустил его приказ на присутствующую периферию.

Зажиточные дамы занялись производством красоты. Они все имели толстые туловища, — прибавочное сало, отнятое у пролетариата,⁴¹ намазано было на них сверху, так что можно слизать его обратно, но Ефим решил сделать это на утро после социальной революции.

Главная руководящая дама вынесла из чулана большую банку, наполненную копошащейся живностью. Ефим сейчас же узнал, что в банке живет население глистов. Главная худощавая женщина включила громкоговоритель — и в зале, как в избе-читальне, раздалась [бесшумная] **бушующая** музыка боевых масс Африки. Так провожатый объяснил Ефиму значение фокс-трота.

⁴¹ Аллюзия на марксистскую теорию прибавочной стоимости.

— Сам чую[.]! — ответил Ефим, и вздохнул, что музыка играет без революции.

После того активная дама открыла перед жирными [бабами] **девками** буфет с напитками и все начали танцевать такими движениями, как будто хотели размножиться.

— Останови их[.]! — указал Ефим. Буржуазное количество и так достаточно[.]! Но дамы и сами остановились, только от них запахло потом и сварившимся салом.

Инструкторша пустила из трубки благовоние, а потом вынула одного червя из банки. [Ближайшая] **ближняя** толстая баба подошла к ней и проглотила того червя своей пастью, а инструкторша дала ей стакан какой-то влаги, чтобы запить проглоченное животное. Другие пухлые женщины тоже стали глотать червей: кто по одному, а кто по два.//

(Л. 55) 96.

Спустя же время вновь заиграла музыка и все начали танцевать с червями внутри.

Ефим встал, чтобы заняться ликвидацией такого явления[и]ья, но председательша подошла к нему, взяла его, как буржуя, под руку, и повела вместе с провожатым в другое помещение. Там было вроде больницы — и лежали похудевшие полуголые женщины на чистых столах. Главная дама объяснила через провожатого Ефиму эти видимые обстоятельства. Здесь вытраивали червей обратно, потому что черви уже сделали свое дело — довели обрюзгших девушек до красоты худощавости. Теперь оставалось только вымыть глистов и опять давать их глотать жирному женскому полу.

— Но только нам плохо[.]! — сказала дама через провожатого. Наши дамы уже привыкли к местным глистам и худеют от них очень медленно. Нам нужны более ядовитые аскаридные черви, мы бы хорошо за них заплатили.

— Можно[.]! — согласился Ефим. — Скажи этой стерве, что большевистский глист не только в худобу — в гроб любую буржуйку вгонит.

Провожатый перевел.

— Мерси, мерси[.]! — заулыбалась руководительница.

— Я **как** скажу своему государству, — сообщил Ефим, — так мы целыми эшелонами червей будем сюда гнать, — этого имущества у нас хватает[.]! Пускай только машины нам качают обратно: им черви, а нам чугун[.]! Скажи ей еще, подкулачник, чтобы она дала мне в задаток за будущих глистов радио: оно нам для культурной революции приемлемо[.]!

Дама с удовольствием поднесла [*Ефиму*] **Ефиму** радио-аппарат.

— Все равно бы конфисковал[.]! — поблагодарил Ефим. — Чего, червивая, ухмыляешься?

В тот же день Ефим отправил громкоговоритель почтой//

97

(Л. 56)

в колхоз, а колхозу приказал, чтобы все его члены изгнали из своей утробы глистов, — пускай пролетарии всех колхозов опорожняются от вредителей и соберут их в бочку, а ту бочку пусть шлют на Париж Ефиму. Он же ту бочку загонит здесь толстым бабам для тощей красоты, а ихнее золото [*обратно*] **обратит** в предметы железной индустриализации. Что же касается его личности, то он слышал уже такую [*бу*] **бушующую** [*буржуазную*] музыку масс и видел таких опухших от классового счастья буржук, что настал сочельник революции. А посему он остается на своем парижском посту, тем более что уже подыскал удобный дом для парижского сельсовета и теперь ищет здание для правления колхоза. Завтра он пойдет метить мелом по полу, где будут стоять столы председателя и секретаря, а пока пусть спросят по родному району сплошной коллективизации — согласны ли массы, чтобы Ефим стал председателем парижского сельсовета. Пусть также колхозные массы ждут от него, вскоре после социальной революции, эшелон парижских толстых туловищ, — с тем, чтобы трамбовать ими проезжий грунт.

После поклона дяде Лукьяну, Ефим закончил письмо и пошел покупать кусок мела для обозначения места сельсоветских столов в том Институте, в котором нынче живут черви, жирные буржуйки и какая-то незаметная сволочь по имени Беата.

— Я ее в плен возьму — решил Ефим про ту Беату. — Пролетариату и сволочь пригодится, раз она невидима.

После получения от товарища Нечаева его первого же письма, он был немедленно отозван назад в СССР. Ибо его послали учиться садоводству, а не учить парижанок советской власти.

Нечаев приехал обратно без всякой обиды, ибо вера его в классовую революцию была сильнее парижской⁴²

⁴² На этом страница заканчивается.

⟨Л. 1⟩

ШТУРМАН ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ.¹

(Рассказ).

В русской земледельческой области, вдалеке от любого значительного города [*расположился*] расположилась небольшая деревня — колхоз имени 8-го марта. Избы колхоза стояли двумя порядками [*вдоль*] по нагорью, которое опускалось постепенно вниз, к пойме неширокой реки. В той пойме [*не находились*] находились колхозные огороды, а выше их, ближе к дворовым строениям, росли **фруктовые** [*обильные*] сады. Сейчас [*те*] была зима и те сады обмерли до весны; ветви на деревьях покрылись [*инеем*] густым инеем, похожим **на ресницы закрытых век**, словно **деревья** [*они*] смежили свои **глаза** [*ресницы*] в глубокое покойном сне. Земные травы [*сгорблен/ согбенно стояли в снегу, сгорбившись*] сгорбились под тяжестью снега, но они [*тоже ожидали*] были еще целы и терпеливо хранили себя, будто их жизненная сила не успела истратиться за минувшее лето и трава ожидала надеяться на новую жизнь весной//

⟨Л. 2⟩

2.

[*Время суток было раннее, погода стояла тихая. Точно ветры устали и легли на покой в овраги и долины.*

Над кровлями колхоза]

Над соломенными и черепичными кровлями колхоза ровно к небу восходил²

---

¹ Рассказ под таким заглавием неизвестен.

² На этом рукопись обрывается.

Ед. хр. 19, 5 л., черновой автограф, карандаш, без даты.

⟨Л. 1⟩ 24. **⟨ОФИЦЕР И КРЕСТЬЯНИН (СРЕДИ НАРОДА)⟩¹**

Махонину сообщили из штаба дивизии новую обстановку. Теперь он увидел, что у неприятеля появился новый [*план операции*] оперативный план, **имеющий смысл**, и дело было не в одной Малой Верее.

---

¹ Материалы отрывка содержат описания и эпизоды, не вошедшие в текст опубликованного в 1966 году рассказа (см.: *Платонов А. Офицер и крестьянин* / Публ. М. А. Платоновой // Литературная Россия. 1966. 1 дек.).

Немцы, [заду] видимо, задумали [*нрзб*] ударить **через** [*нрзб*] район Вереи мощным танковым клином. Этот их [*кл*] клин [должен стать пробойным шилом, чтобы] должен сначала разъять кольцо наших войск, сжимающих немцев в мешок, а затем **развернуться** [*превратиться*] в стальную петлю для [удушения] удушения **тех** наших частей, которые теперь окружили немцев.

Направление Вереи противник [избрал, как чувствуя здесь] избрал, **должно быть**, как глухую дорогу, где русские уже обессилены минувшими боями. Возможно, что эти **только что** минувшие бои, **замысел** [которых смысл] которых был непонятен Махонину, были [рассчита] рассчитаны на ослабление [здесьнего направления] и **расшатывание наших сил в этом месте** и являлись//

25.

(Л. 2)

предварением для главного [удара] рокового удара. Хаос сплошных боев теперь просвечивался туманным смыслом.

Махонин получил [задачу] простую задачу. Он должен действовать **на местности** по своему усмотрению, **но** слаженно с двумя [*соседями*] артиллерийскими полками, и [поголовно уничтожить] своими средствами добить **до поголовного уничтожения** живую силу противника, следующую за его машинами. Бой предстоял тяжелый, но в тактическом отношении обыкновенный, даже шаблонный. Майор Махонин [*нрзб*] пережил много **подобных** [таких] боев и он знал их [их недостаток] конструктивный недостаток: решение достигается малым перевесом, с рукопашными схватками **невдалеке от** [у] панцирей машин, изнутри которых противник может [на близких расстояниях] контролировать **ближнее** поле битвы пулеметным и пушечным огнем, [в таких боях свои/ свои потери бывают обычно велики.] **Тогда как** [*нрзб*] артиллерия должна в тот момент работать точным и **поэтому** сдержанным огнем; в таких [бо]боях свои потери бывают//

26.

(Л. 3)

обычно велики.

Согласовав свои действия с **артиллерийскими полками**, Махонин повел свой батальон с приданными ему специальными подразделениями вперед. Он хотел [прежде всего предупредить противника в неожиданном] упредить встречу с противником, поставить его перед неожиданностью, заставить **его** усомниться в разведочных сведениях и повысить свой шанс внезапностью. [и тем избежать шаблонных, /шаблонной тактики/ тактики и, **безмолвно пропустив неприятеля**] А может быть, **выйдя вперед**, следует **пропустить** неприятеля [пропустить] безмолвно и **скрытно** мимо себя и затем **ударить** его с

тыла, чтобы смутить его дух видимостью окружения, **потрясти его сердце** и уничтожить с малыми жертвами для себя. Махонин понимал, что важнее всего найти непривычные для противника условия боя, и он думал о них.

Нет более [ответственной] **глубокой** думы на земле, чем размышление командира перед [боем] сражением, в котором//

(Л. 4) 27.

[он должен скупиться **своими живыми и техническими силами** на каждого своего солдата и быть щедрым на трупы врага, — [и этот труд размышления] и в этом труде размышления, заранее переживающем бой, офицер испытывает все силы своей совести и **своих** способностей, точно судит их страшным судом перед лицом **своего** [всего] незримого народа...]

Ночью мимо [рот Махонина] Махонина прошли немецкие танки и за ними последовала пехота на машинах. Выждав срок, Махонин повернул свой батальон фронтом обратно на Малую Верею и приказал открыть огонь с тыла по противнику; спереди и с флангов его начали рубить огнем артиллерийские [и ночь засветилась **вспыхивающими и умирающими**] батареи; [бой загорелся круговым костром] и **ночь засветилась бегущими огнями, как нива в цветах, взволнованная ветром.**

Махонин двинул все свои роты обратно на Верею, приказав вести огонь с хода [на высшем напряжении] **с высшей частотой**, чтобы обмануть неприятеля относительно своей численности; [но] он понимал, что батальон его слаб для истребления противника,//

(Л. 5) 28.

если весь его поток повернет вспять.

Но бой сложился иначе. [Со/ Со] Во след [уш] группе танков и [пехоте уш] машинам с пехотой, ушедшим вперед, противник направил еще спешенную часть, а ушедшие вперед повернули обратно, не преодолевая нашего пушечного огня. И батальон Махонина очутился в тисках меж двумя [сдв] сдвигающими [мися друг к другу] мися **навстречу** [намертво] стальными параллелями. Выйти в [еще] свободные зазоры тисков **еще** можно было, но без разведки. Это было опасно, а **кроме того, тогда не будет решена** поставленная задача. [тогда не будет решена]

Махонин приказал взводам прекратить огонь, умолкнуть **вовсе** и вкопаться в землю. Свой командный пункт он поместил в выгоревшем [ду] дупле. Немцы надвигались на него с востока и запада с жарким **предупредительным** огнем, но умолкший батальон утонул **в земной** [во] тьме и сохранялся невредимо; ракеты же противник [осте-

регся») применять остерегался, потому что на близких расстояния он мог²

---

² На этом рукопись обрывается.

Ед. хр. 26, карандаш, 7 л., без даты.

3.   **〈СЫН НАРОДА (ОФИЦЕР ПРОСТЫХ)〉**¹   (Л. 1)

[На войне это бывает [чаще] чаще, чем в обыкновенное время. И тогда самые дальние люди [сбли] сближаются и угадывают друг в друге забытых родственников.²

Я спросил у [А] майора Аленова³ — виделись ли мы когда-нибудь раньше. Он проникательно поглядел на меня и ответил, что — нет, он меня не помнит.⁴ [*Я же / А я верил тогда непосредре своему впечатлению и был убежден,*] А я поверил в тот час своему непосредственному впечатлению и был убежден,⁵ что в давнее время мы состояли с ним в знакомстве. Если же он меня не помнил, то значит просто забыл, а забвенье еще не уничтожает того, что [*все же*] существовало. И [*так*] [*обычно бывает,*] что более **слабый первым узнает более сильного и влечется к нему.**

Другие офицеры сказали Аленову, что они любят исполнять свои обязанности, потому что [*в*] их обязанности необходимы для спасения советского народа, но [*жить*] жить на войне **постоянно они не считают счастьем.** они не любят:

— Вы меня неправильно поняли, а я **вам непонятно** сказал, — ответил им Аленов. **Я — Зря сказал.**

Регулирующая остановила грузовую машину, **кликнула нас,** и мы все **поехали** [*уехали*] на ней вперед//

---

¹ Как свидетельствует платоновская нумерация, единица хранения не имеет первых двух листов автографа. Текст наброска соответствует рассказу «Сын народа», опубликованному впервые в газете «Красная звезда» 26 мая 1944 года. Рассказ входил в цикл, посвященный офицерам. Платонов разрабатывал образ офицера в его функциональной и психологической многозначности в целом ряде военных рассказов.

² Этот абзац в рассказ не вошел.

³ Главный герой опубликованного рассказа — подполковник Иван Иннокентьевич Простых.

⁴ Дальнейший текст двух листов в рассказ не вошел.

⁵ Нижняя граница зачеркнутого текста определяется с трудом, поскольку абзац зачеркнут размашистой линией, не достигающей до его конца.

(Л. 2) 4.

[в свои части]

[по своим обязанн]

к исполнению своих обязанностей.

[Аленов на вид был человек лет сорока, немного сумрачный, с темно-кариими глазами, выражение которых не менялось от его настроения, /но они <нрзб> обветре/ и обветренным солдатским лицом.]⁶

На место мы прибыли лишь к рассвету другого дня. По характеру своей службы я мог поработать некоторое время⁷ в части Аленова (он командовал полком) и майор разрешил мне посетить его хозяйство.

Полк Аленова стоял на отдыхе и пополнении. Сам Аленов **находился** [был/ **нахо**] в краткосрочном отпуске в Москве, — отпуск ему был необходим еще для лечения глаз, — [те] а теперь он возвраща**лся** воевать обратно.

Я стал жить в полку Аленова и вскоре убедился, что я прибыл в то самое место, которое мне было нужно для правильного понимания войны и изучения средств победы. Сам командир [полка] называл свой [<нрзб>] полк мастерской победы//

(Л. 3) 5.

над немцами и в беседах [с младшими] с младшими [офицера] командирами говорил, что **весь** смысл [деятельности офицера **заключается** в постоянном, /<нрзб>/ самоотверженном /тайны/ изучении тайны боя и в применении на практике открытий, /касающихся/ которые превращают тайну боя в относительную истину или науку о бое и тем самым вооружают человека искусством /побе/ постоянно побеждать]⁸

[— Нет более сложного явления во всей **вселенной** действительности, чем бой, — уверенно говорил Иван Игнатьевич Аленов своим офицерам. — Нигде нет ничего [зага]

⁶ Описание внешности Аленова в рассказе претерпело небольшие изменения: «Подполковник на вид был человеком лет сорока, немного сумрачным, с темно-кариими, утонувшими подо лбом глазами, выражение которых не менялось от настроения» (Платонов А. Сын народа (Офицер Простых) // Платонов А. Одухотворенные люди. М., 1963. С. 194).

⁷ На полях записано: «Я временно ехал на работу».

⁸ В рассказ вошла фраза: «Иван Иннокентьевич негромким, обычным своим голосом говорил страстные слова о смысле деятельности офицера. Он говорил о постижении тайны боя, он верил в их полную доступность для человеческого разума, потому что проверка на практике подтвердила истинность его некоторых теоретических открытий» (Платонов А. Сын народа (Офицер Простых). С. 197).

тайнственн[ого]ее, чем самый простой бой, то-есть [драка] сражение насмерть больших групп людей, вооруженных огнем и машинами. Пусть будет Цветок, организм [живо] живого существа, [⟨нрзб⟩] частичка вещества, Млечный путь — все это [проще] проще, это доступнее пониманию, чем [⟨нрзб⟩] бой двух батальонов. На земле и на небе нет большей тайны, чем битва.] Стало быть, //

6.

(Л. 4)

чтобы выиграть сражение — надо учиться до мученичества[⟨нрзб⟩], а во время [д] боя действовать [так, словно ты ничего не знаешь, и ясно / и ясно понимать те новости, которые откроются п / перед тобой в этом бою] со страстью и заинтересованностью.

[С неустрашимостью искателя главной истины мира, и тогда ты будешь приближаться [к пониманию правильной / к правильному пониманию любой ко / любых конкретных] к правильному пониманию всех условий, всех быстро меняющихся обстоятельств твоего боя, а правильное понимание даст тебе точное [реш] решение для действия. Дальше дело остается за твоей волей и за твоей верой в знамя, которому ты [ты] служишь. А вера в свое знамя, в правду своего народа — это первое начало солдата. Без этой веры победить нельзя.⁹

[С] [Вначале] Сперва я подумал было, что Иван Игнатьевич Аленов является¹⁰ [тем профессионалом-офицером, для которого] офицером-ученым, [офицером-исследователем] для которого война [является как бы] //

8.

(Л. 5)¹¹

[полка майора Аленова и сам становился частью его жизни. Полк квартировал в слободе, где много было разрушенных [жилищ] пустых жилищ. Аленов установил обычай в полку, чтобы его люди всегда жили [в не] не в общих хатах с населением, [но] а [отдельно], — каждый солдат в своем отделении. В нежилых местах это было просто: строились землянки и блиндажи; а в населенных пунктах дело было труднее. В той слободе, где полк квартировал сейчас, Аленов приказал красноармейцам отремонтировать или привести в годное [годный] для жизни состояние вымороченные [разрушенные] и поврежден-

⁹ Вместо двух последних абзацев в рассказ вошло: «— Нет более сложного и оживленного явления во всей действительности, чем бой, — с тихой уверенностью говорил Иван Иннокентьевич» (Платонов А. Сын народа (Офицер Простых). С. 197).

¹⁰ На полях запись: «⟨нрзб⟩? — ⟨явл⟩ ⟨нрзб⟩ а не вещь, как поток света».

¹¹ Пропуск одного листа.

ные [хаты/пустые] хаты, и **затем** поселил в них своих солдат. **Однако**, [Однако, На таких] **на таких** тыловых постах Аленов [вовсе] **вовсе** не желал, чтобы его бойцы жили с населением розно и чуждо. Он только [понимал] хотел, чтобы его солдаты жили постоянно своим войсковым домом и чтобы чувство их удовлетворялось в товариществе, в учении и службе,¹² а не расточалось [⟨нрзб⟩] среди крестьянских семейств, [в том лож] в той ложной чувствительности, в тех тщетных воспоминаниях о своем оставленном доме, которые [не] дают солдату [действие/действительного утешения]//

⟨Л. 6) 9.

[лишь] **лишь** призрачное утешение, **но** [и] отвлекают его от действительности, от исполнения **воинского** долга, что единственно может привести человека к **удовлетворению** [исполнению] его желаний, — к тому, чем он временно обездолен — к мирной жизни и семейству.

С населением солдаты Аленова **имели** [имели] близость более жизненного и серьезного [хар] значения. Сейчас, когда **была** [шла] пора весны, **красноармейцы** [солдаты] в свободное время копали в помощь хозяйкам огороды, ровняли навоз в почве, чинили сельский инвентарь и убрали с проездов мусор от немецкого нашествия и [остатки] мертвые остатки войны — колючую проволоку, снаряды, жестянки и погоревшие машины, а [Девушки-санитарки брали] девушки-санитарки брали **к** себе в хаты малых крестьянских детей, чтобы их матери спокойно работали [в] в колхозном поле. [Когда полк Аленова пойдет в пере] Это приучало людей, и красноармейцев и мирных жителей, к простым житейским отношениям, к сознанию того, [того,] что все [од] они один народ и дело их родственно.

Когда полк Аленова пойдет//

⟨Л. 7) 10.

[вперед] вперед, позади себя [⟨нрзб⟩] он оставит устроенные жилища, возделанную землю [и добрую тоску] и доброе сожаление в крестьянских [семьях] сердцах.

Я спросил у майора — не устают ли красноармейцы от этих мирных забот, ведь им приходится еще много заниматься по военному делу?

[— Не устают! — сказал Аленов.

— Они нет, они не устают, сказал Аленов. — **Они от одного могут устать — от печали...**[праздность

---

¹² Весь 5-й лист вошел в рассказ с небольшой стилистической правкой, за исключением фразы, следующей далее и до конца абзаца. Последующий за ним текст вошел в рассказ с небольшими изменениями.

⟨нрзб⟩ / От праздности, даже краткой праздности, они почувствовали бы печаль и от печали устали бы больше.] Вы знаете, что печаль разрушает человека, от нее не проспишься, [как от] Это не пахота.¹³ У меня много [есть] есть бойцов, [⟨нрзб⟩] которые потеряли [свои] **свои** семьи, у которых родителей казнили немцы. У них [много] есть о чем горевать... Да и потом, у меня своя есть главная [забота] забота! — резко заявил [А] майор.

— Своя забота!

— Они — нет. Они не устают, — сказал Аленов. — Они от одного могут устать — от печали... Вы знаете

— Да и потом, у меня своя есть!¹⁴

---

¹³ Запись на полях: «⟨Нрзб⟩ в добре и ⟨снова⟩ во зле».

¹⁴ На этом рукопись обрывается.

Ед. хр. 39, карандаш, разрозненные листы, 4 л., без даты.

⟨ШТУРМ ЛАБИРИНТА⟩¹

⟨Л. 1⟩

А. Платонов

1.

[Полковник Бакланов потерял сознание. Опомнившись, он увидел над собой лицо своего ординарца Елисея Копцова, который осторожно отирал ему лоб полотенцем, увлажненным одеколоном.

— Что, Елисей? — спросил Бакланов.

— Ничего, товарищ полковник, [обошлось благополучно. Неприятель накрыл] открывайте свой взор спокойно и смело! Это неприятель накрыл одним снарядом наш наблюдательный пункт. Только вышло мимо, был один звук и сотрясение, а вас [земной] **земляной** мякотью ушибло в голову. Ничего, это обойдется, Алексей Алексеевич, — жизнь многообразна и сложна, а чтобы понять ее, //

16.

⟨Л. 2⟩

— Ну что ж от сволочи можно ожидать еще, Алексей Алексеевич! — сообщил свое мнение артиллерист.

---

¹ Отрывок написан карандашом, не имеет заглавия (атрибутировано сотрудниками РО ИРЛИ) и даты. Листы разрозненные, общего сюжета не прослеживается. Все упомянутые в отрывке действующие лица присутствуют в печатном варианте рассказа, впервые опубликованного в 1945 году в газете «Красная звезда», в номерах от 21 апреля и 6 мая. Однако текст приводимых записей не вошел в печатный вариант рассказа.

— Обожди! Пускай батальон их пропустит, — вот бы по этому направлению, — он показал по карте, — пусть еще минут **пять** [десять] пройдет, пусть

— [Что ты хочешь?] еще чуть-чуть пошумят огнем в батальоне и перестанут.

— Что ты хочешь?

[Кузь]

(Л. 3) — А у меня самоходные [пушки] системы есть.//

5.

относится. Неужели она тебя терпит, как я тебя?

— Любить [женщин/женщине] мужчину, **или обратно — женщину** легко, товарищ полковник, и обратно — это значит любить самого себя, а это [пуст] пустяк, [поэтому я томлюсь вне службы по волшебной жизни] Человеку же нужна не жена, а волшебница.

— Это не реально, Елисей, **не фактически как-то!** — возразил полковник Кузьмин, и **здесь** смутился, поняв про себя, что он сам [нечаянно] начинает выражаться и думать как Елисей, нечаянно покоряясь силе духа ординарца.

[— Тут диалектика, товарищ полковник; все течет <нрзб> и постоянно изменяется, а диалектика /выше будет/ лучше, чем реалистичность и действует сильнее и научней!]

Все течет и изменяется, товарищ полковник, и молекулы наши переставляются//

(Л. 4) 6.

в органах чувств под воздействием всех условий обстановки и **тогда неминуемо** получается реалистичность!

[— Исчезни, Елисей! — приказал полковник]

— Исчезни, Елисей, чтоб тебя не было!

— Есть — меня нету, а без меня нельзя! Я буду здесь за [перегород] перегородкой, в соседнем **жилом** [жилом] помещении, и слушать вас, товарищ полковник, всегда наготове вперед куда нужно!..

Оставшись один, Алексей Алексеевич обратился к своим занятиям. Наконец, после долгого терпения, он [получил] **получил** неожиданную возможность исполнять любимую работу. После ранения полковник получил отпуск и теперь он проводил его в доме отдыха за [литера/литературной р] литературным трудом. Как многие военачальники, полковник Кузьмин считал полезным изложить в назидательной форме пережитый им опыт войны и запечатлеть свои размышления, дабы²

² На этом рукопись обрывается.

ТИТ.¹
(Комедия)

1

⟨Л. 1⟩

Действующие лица:

1. Тит, 13—14 лет от роду, но рост и внешнее физическое развитие у него как у 20—25-летнего человека, однако в выражении лица его и в форме головы еще **сохраняются** [*хранятся*] признаки младенчества.²

2. Чорма, [*лет*] девушка лет 17—18.

3. Иван, юноша лет около 20, меланхолик.

4. Кузьма, старик 100 лет от роду.

5. [Семен] Пелагея Саввишна, учительница лет 40—45.

6. Яков Семенович — отец Тита.

7. Татьяна Тихоновна — мать Тита.

Идея³

Техник

Мать

---

¹ Договор на пьесу-сказку «Добрый Тит» был заключен Платоновым в 1946 году (см.: *Корниенко Н. В.* История текста и биография... С. 297). По данным Н. В. Корниенко, замысел пьесы, имеющей варианты заглавий — «Тит-человек», «Добрый Тит», возник еще до войны. Приводимый отрывок это подтверждает. В нем можно найти восточные имена — Чорма, Сарай, а также детали, относящиеся к довоенному спектру проблем. Но, возможно, что данный стрывок относится к более позднему периоду, поскольку в конце имеется помета о рассказе «Пувак». Упоминание же заглавия этого произведения встречаем в записях писателя 1942 года (см.: *Платонов А.* Записные книжки. С. 223).

² Подобная зрелость не по возрасту в сочетании с «признаками младенчества» встречается в рассказах «Семен» (образ Семена), «Страх солдата» (образ Петрушки), «Возвращение» (образ Петрушки). Однако их зрелость не внешняя в отличие от Тита, а поведенческая, продиктованная главной идеей рассказов. В «Кратком изложении темы пьесы для Центрального Детского Театра» писатель сообщает о намерении сделать главной особенностью характера Тита «желание опередить свой возраст» (см.: РГАЛИ, оп. 1, ед. хр. 97, л. 1). Совпадает и событийная линия публикуемого отрывка — мальчик убегает из дома и встречает учителя. Тем не менее излагаемый ЦДТ вариант пьесы сильно отличается от приводимого здесь текста как именами персонажей, которые практически не совпадают, так и многими деталями и мизансценами. Оба замысла перекликаются с третьим, изложенным писателем для ЦДТ в автографе «Тема пьесы (условное название «Злой учитель»)» (см.: Там же, л. 10).

³ Слово повторяется много раз.

Технич(еская) идея
Тит//
(Л.2) 1.

ТИТ. КОМЕДИЯ.⁴

Действующие лица:

Трагедия фабричного ученичества в прежнее время (подросток-рабочий).⁵

Тит, подросток [16—17 лет] лет [14] 15—16 от роду, но рост и внешнее физическое развитие у него как у 20—25-летнего человека, однако в выражении лица его и в форме головы еще сохраняются признаки детства.

2. Иван, его брат 14 лет, [⟨Толстой, небо⟩]

2. Чорма, девушка лет [17] 18—20.

3. Иван, юноша лет 20. ⟨(ровесник)⟩

4. [Ку] Полина Николаевна, учительница.⁶

5. Лавр, старик [110/100/90] лет 90 от роду.

6. Яков Семенович Жуков, отец Тита.

(Л. 3) 7. Татьяна Николаевна, мать Тита.//

2.

8. Лиза, девушка лет 16-ти.

9. Дуся, девушка лет 17.

10. Дед.

11. Бабушка.

12. Хулиганы — 2 ⟨чел.⟩

Старшая сестра

Маск ⟨нрзб⟩

Слоновья голень

голень

1 акт

Бал молодежи⁷

Ссора

---

⁴ На странице писателем много раз изображен скрипичный ключ.

⁵ На странице много раз повторяется слово «трагедия».

⁶ Автобиографическая мета. Писатель варьирует сходные имена учительницы — Пелагия, Полина — и останавливается на почти полном аналоге имени своей первой учительницы. «Была там учительница — Аполлинария Николаевна — я ее никогда не забуду...» (Письмо Литвину-Молотову, цит. по: *Платонов А. Голубая глубина*. Краснодар, 1922. С. VI).

⁷ Эпизод молодежного бала встречается в романе «Счастливая Москва».

II
<Situation>
<Sigitu нрзб>

1. Взрослые

2. //

1. Чорма, 18 лет

<Л. 4>

[2. Митя, 19 лет]

2. //

I — Школа

<Л. 4 об.>

II — Дом

III — Бегство

IV — Возвращение.⁸

200 000 000 | 2 000

100 000//

1. Кузьма, 14 лет от роду, но рост и внешнее физическое развитие как у двадцатипятилетнего человека, однако [голова у него] выражении [лица] лица его и голова [младенце] младенческие. <Л. 5>

2. Чорма

Д.<ействующие> л.<ица>:

1. [Кузьма / Ефим / Юшка] Тит 1. Мы взрослые

2. Чорма

3. Иван, меланхолик

4. Кузьма, старик 100 лет от роду.

5. Петр Михайлович

6. [М] Анна Семеновна } родители Юшки

7. //

Тит — 15—16 л.

<Л. 6>⁹

Иван —

Учительница — Полина Никол(аевна)

Чорма, 19 лет

Лавр, старик лет 90 от роду.//

Что мо(гу)? Такой очкарик как я!

<Л. 7>

Учительница Полина Ивановна, лет 35.

Учитель — Николай Никол(аевич), лет 45

Тит —

Чорма —

Лавр —

<Родители>

Тит

⁸ После перечня действующих лиц задается фабульная канва, опирающаяся на архетипическую модель, близкую к сюжету блудного сына.

⁹ На странице изображено несколько скрипичных ключей.

Учительн(ица) — 35 лет
Учитель — 45 лет
Чорма [19—20 лет] 19—20 лет
Лавр — 85 лет
Родители Тита
Родители Чормы //

⟨Л. 8⟩ [1]. Бал
1 брат-сестра
2

Действующие лица:

1. [⟨Отец⟩] Иван Захарович
2. Митя, его сын, 17—18 лет.
3. Степан, товарищ Мити, ровесник ему.
4. Мать Ивана Захаровича, бабушка Мити, лет 60-ти.
5. Учительница Полина Николаевна, 35—40 лет.
6. Дуся, 17 лет.
7. [⟨Сарай⟩],¹⁰ человек, около 40 лет.

Пьяница¹¹

Чорма
Пьяница
Чоромана
Черма
I Чорма/Черма¹²

II
III
IV //

⟨Л.9⟩ ⟨Нрзб⟩ мира после ухода взрослых
ребенок, выдающий себя за взрослого
усы не растут, он мох наклеивает и бреет, чтоб быть взрос-
лым **и нарочно порезался.**¹³ ...А потом он уже не может
стать подростком, ставши взрослым.
[Группа подростков сговариваются и уходят из/от ро-
дителей/ Дети заблудились в лесу. Где наш дом?]
А потом он уже не мог стать подростком, оставшись взрос-
лым и лучше взрослых.

---

¹⁰ Имя Сарай встречается в рассказе «Избушка бабушки», включавшемся в состав книги «В сторону заката солнца» (М., 1945). В 1943 году на этапе издательской подготовки рассказ был исключен из ее состава в результате критических отзывов. Первая публикация состоялась в журнале «Наш современник» (1966. № 3. С. 2—12).

¹¹ Слово несколько раз повторяется в разных местах стра-
ницы.

¹² Платонов приводит оба варианта имени.

¹³ Разрозненные надписи, сделанные очень мелко.

Большой Тит

Или Тит-человек

Пьеса, 04 с <нрзб>//

1.

Насилу

Одна

Двое

Трое

И на всю жизнь

Подъезжая

Климентов¹⁵

<Л. 10>¹⁴

Действующие лица:

<нрзб>

Че<нрзб>

Чорма

Дуся

Лавр

Тит

Татьяна Тихоновна

[Поли] П<нрзб>

Предлюбовь

Жизненное

недоверие жизни.

Предлюбовь, то жизненное состояние, которое еще не любовь, но сообщает жизни ее **напряжение** [напряженье] увлекает в жизнь человек(еское) существо.//

1.

Первое действие.

Летний сияющий вечер за большими открытыми окнами. Окна настолько велики, что это скорее [ст] стеклянные двери, распахнутые в мировое пространство;¹⁶ подоконники их [окон] почти касались пола. Окна на большой высоте — за ними, но ниже их, видны шпили башен [<нрзб>], крыши домов, отдаленные леса на горизонте, но все это не [заго-

<Л. 11>

¹⁴ На листе находится рисунок, фигурные росчерки, орнамент, среди них отдельные фразы, которые приводятся по порядку.

¹⁵ Фамилия повторена много раз. Помимо того что это родовая фамилия писателя, так звали одного из персонажей в черновых набросках к повести «Котлован».

¹⁶ Пьеса о детстве начинается с описания окон. Платонов использовал такую же деталь, как А. П. Чехов в «Вишневом саду», описав в начале пьесы окно в детской, ставшее художественно значимым элементом, послужившим ключом к интерпретации многих эпизодов и образов.

раживаает неба] застит неба, создавая однако впечатление свободы и высоты.

Обстановка фойе или кафе. Цветы. Столики у стен.¹⁷

1. Дети дома одни.

2. Кузьма

Тихонов

Тихон

Мих

Куз

Пузанов

Пузик

Пузкин//

(Л. 12)

2.

1-е действие.

Летний сияющий вечер за большими открытыми окнами. Окна настолько велики, что это скорее стеклянные двери, распахнутые в мировое пространство; подоконники их почти касаются пола. Окна на большой высоте — за ними, но ниже их, видны шпили башен, крыши домов, отдаленные леса на горизонте, но все это не застит неба, создавая(,) однако(,) впечатление свободы и высоты. Комната находится на восьмом или десятом этаже нового дома. В комнате [много звуков] слышны звуки внешнего мира: [гул ле] мелодичный гул летающих [(нрзб)] аэропланов, приглушенные сигналы автомобилей и **свистки удаляющихся паровозов.**¹⁸ [разговоры / невнятные разговоры далеких людей]

В комнате — обстановка хорошего жилища: цветы, рояль, [фрукты на] (нрзб)//

(Л. 13)

3.

книжный шкаф, репродуктор радио.

[Сидит один Тит за столом; перед юношей книга, но он ее не (нрзб) читает, он смотрит в мир, простирающийся за окном]

В простенке меж окнами [два портрета] три портрета: сверху портрет Сталина, пониже — два портрета рядом — отца и матери Тита; портрет матери окружен [траур] траурным крепом и ветками елки.

[Один Тит

Сидит один]

¹⁷ На полях слева запись: «Как же она не упала, когда отвалилась!».

¹⁸ См. сходный вид сверху в рассказе «Московская скрипка» и романе «Счастливая Москва».

Тит **один сидит** за столом; перед подростком лежит открытая книга, но он ее не читает; он смотрит в мир, протирающийся за окном.//

3.

⟨Л. 14⟩

на столе.

Тит (один за столом, читая книгу, или делая [уроки] уроки). Я уже все знаю. Я научился всему — что, как и ⟨нрзб⟩ так далее, я **теперь** отличник, я сам ученый, я ⟨нрзб⟩ все знаю, что [не надо, что надо надо] и что не надо... Конеч! Теперь я буду жить! Пора!

[Техн]

Стратилат ⟨Архистратиг⟩ Стратилат. Арх/Архистратиг//

[Но Тишку не утешило]

[А зачем ей ⟨нужна⟩ изба-то? Спросил Тишка.]

Но сердце Тишки не утешилось от его желания помнить умершую. Он был озадачен [ее жизнью, ее] [его]

[поживу — решил Тишка, а кто ж будет жить — дядя ⟨Л. 15⟩¹⁹

Сарай]

Тишка

умер, а дядя Сарай

кому ⟨нравится, что он есть⟩

Тишка

[Он попал] [дядя Сарай ничего не знает на свете, а ⟨бабушка⟩ ⟨нрзб⟩] [Ей было все равно] ⟨нрзб⟩

[Дядя Сарай обман говорил, что он знает все на свете, ему табуретку жалко. А бабушка все ⟨позабыла⟩.]

[Теперь я сам узнаю все]

Ей было все равно н⟨нрзб⟩

А то дядя Сарай ⟨унесет⟩ весь свет и возьмет его себе ⟨нрзб⟩

И Тишка поглядел на солнце, на ⟨избы⟩ ⟨нрзб⟩ [Кому-нибудь надо, я <нрзб>] Сарай ⟨нрзб⟩//

Д⟨ля⟩ пьесы

⟨Л. 16⟩

[Мы не хотим учиться, мы хотим жить.

Учительница молодая, 25 лет]

[Мы в этом виноваты, в Тите, и в его судьбе]

⟨Дет⟩ ж. д. — ⟨нрзб⟩ открыт регулятор//

Пувак²⁰

⟨Л. 16 об.⟩

Рассказ.

¹⁹ Все надписи сделаны в беспорядке, в разных местах листа.

²⁰ В 20-й записной книжке 1942 года имеется запись: «Рассказ „Пувак“. Рассказ о чистой природе без человека». Н. В. Корниенко отмечает, что текст такого рассказа неизвестен (см.: Платонов А. Записные книжки. С. 223, 396).

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ТЕМЫ ПЬЕСЫ «ВЕЛИКИЙ ЛЕС»
ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДЕТСКОГО ТЕАТРА.

⟨Л. 1⟩ ⟨Бабуш⟩Дед.

Марфия
Уля
[Л ⟨нрзб⟩]
Лю

} внучки

Агафон Демьянович — Учитель, знающий устройство и смысл мира.

Отец — настоящий, любящий.

Груша — ФЗО

Лида¹ — ⟨нрзб⟩ка — ⟨культурница ⟩

Зоя

Виктор — иск⟨атель⟩ истины.

Картины:

1. Уход. Прощай, ⟨мир⟩, ⟨нрзб⟩ и мама!

2. Лес, [⟨волшебный⟩].

3.

1.

I. Убежим из дома

II. Лес.

III. Страдание.

IV. Решение.

1. Бегство

2.

Великий лес²

1. Бегство.

2. #

⟨Л. 2⟩ Учитель.

Бабушка.

Марфия

Уля

Любовь

} ее внучки

Агафон-мастеровой

[Лида / Лида] **Груша**

— ФЗО

Архип-пахарь

Проход-пастух

¹ Лида — имя главной героини «Московской скрипки», героини «Технического романа».

² Оставшаяся часть листа испещрена росчерками платоновского автографа.

Виктор — искатель жизни
Зоя — [прогрессивка] изба-читальня
Демьян —
Возвращение Агафона³ с войны⁴
I
II
III
IV
V
VI
VII//

Идея — учитель, выводящий детей в жизнь.

(Л. 3)

Без учителя — гибель.

Роль родителя — окончена.

---

³ Имя Агафон встречается в вариантах пьесы «Добрый Тит»: «Агафон и Тит заблудились и попали в темный лес — в страну разрушенных предметов и враждебных душ» (см.: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 97). Намеченные сюжетные линии, мотивы и образы также сходны («убежим из дома», лес, [«волшебный»]), «без учителя — гибель», «роль родителя — окончена»). Следовательно, этот автограф можно рассматривать вместе с наброском «Добрый Тит» как варианты одного замысла.

⁴ Имя Агафон и росчерки писательского автографа повторяются много раз.

Ед. хр. 12, черновой карандашный автограф, 3 л., без даты.

«МАЙСКАЯ РОЗА».¹

I.
В **вечернем** кафе играла музыка. Меж столиками, умело пробираясь, танцевали молодые люди с девушками; среди них(,) однако(,) были и пожилые, а один был даже вовсе ветхий, и он тоже танцевал с пожилой подругой; но эти пожилые и **тот же** ветхий двигались в танце более рас-

(Л. 1)

---

¹ Кавычки — Платонова. Рассказ под таким заглавием неизвестен. Два майора являются ведущими действующими лицами в рассказе «Маленький солдат», впервые опубликованном в газете «Красная звезда» в 1943 году (№ 8/9. С. 8—9). После войны писатель будет анализировать «героя своего времени», вернувшегося с войны молодого человека. В 1946 году Платонов работал над повестью «Молодой офицер» (см.: Корниенко Н. В. История текста и биография... С. 296).

судочно, чем юные люди, хотя, может быть, за их рас-судком скрывалась та же страсть, что и в юных сердцах, и рассудочность их была лишь тактическим приемом; кто старик, тот знает, что человек от возраста меняется мало.

Два майора, один летчик, другой артиллерист, сидели за столиком [⟨,⟩]; **они** пили [⟨слабый⟩] какой-то сла-бый [⟨,⟩] напиток, вроде варенья, разбавленного водой, и наблюдали мирную жизнь рассеянными, неинтересующи-**мися** [⟨щимися⟩] глазами. Майорами же, наоборот, инте-ресовались многие люди в кафе — и не только [⟨в⟩] **кра-сивые** прекрасные, смущающиеся девушки, но и мужчины, и даже ветхий танцующий человек. Этот интерес к моло-дым офицерам был понятен и благороден. Майорам было не более, чем по тридцать лет; время войны и тяжелого//

(Л. 2)

2.

напряжения запечатлелось на их [⟨лицах⟩] лицах чертами серьезности, той [⟨серьезности/ постоянной вдумчивой серьезности/ размышляющей⟩] глубокой, **словно** остано-вившейся серьезности **мысли**, в какую переходит пережи-тое страдание и великий опыт жизни. Такая ранняя серь-езность на открыт[⟨ом⟩] **ых**, доверчив[⟨ом⟩] **ых** лиц [⟨е⟩] **их** молодых офицеров роднила их, как братьев, хотя они внешне были непохожи друг на друга, — [⟨точно/ одинаковая неподвижная⟩] точно они думали одну и ту же долгую, мед-ленную мысль, подобную неподвижной грезе или видению ребенка. Если бы на лицах офицеров не была запечатле-на эта греза, если бы **они прожили другую, мирную жизнь**, они были бы лишь миловидными молодыми людь-ми, теперь же [⟨в них⟩] в их внешности [⟨и существе⟩] в их су-ществе каждый мог [⟨различить⟩] отличить прекрасный дух человека, — и **то, что могло быть** [⟨было⟩] лишь при-влекательным, стало достойным уважения и любви. [⟨Ките-ли офицеров были⟩] На кителях **у** обоих офицеров, на груди их лежали по четыре [⟨колодки⟩] длинных колодки, на кото-рых собраны были ленточки орденов и медалей — своей родины и европейских стран.//

(Л. 3)

3.

По всей видимости эти двое людей были достойны счастливой жизни, и они заслужили ее; более того, мно-гие люди могли бы сами быть [⟨приобрести счастье⟩] счаст-ливыми в **от** любви или в дружбе, **дружбы этих людей** ес-ли эти двое людей [⟨хотели⟩] захотели бы с [⟨с ко⟩] **если бы они захотели** разделить с **ними** свое сердце.

А они сидели вдвоем, [⟨связанные друг с другом лишь привычкой а не дру/ не дружбой, а лишь привычкой друг к другу, потому что совместно в детстве рос-ли /совместно/ вместе пошли в Армию и позже они

встречались и подолгу жили вместе, в детстве /и позже встречались/ и они оба были вместе сейчас несчастными] связанные не дружбой, но лишь привычкой друг к другу, потому что **они** совместно росли и играли в детстве, вместе учились в средней школе, — [*и они оба были сейчас несчастными]* и что их роднило, то [*им было самим не]* для них было неощутимо, а что их томило [,] сейчас, то их не могло соединить.²

---

² На этом фрагмент обрывается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Е. А. Яблоков</i> (Москва). «Падающая башня» (О художественном пространстве Платонова)	6
<i>Т. А. Никонова</i> (Воронеж). «Чужое» пространство у Платонова	16
<i>Л. В. Червякова</i> (Саратов). Экзистенциальная концепция времени в романе Платонова «Чевенгур»	24
<i>Е. И. Колесникова</i> (С.-Петербург). Духовные контексты творчества Платонова	34
<i>В. Лепяхин</i> (Венгрия). Икона в творчестве Платонова	61
<i>Л. В. Колосс</i> (Москва). Ранний Платонов и буддизм	83
<i>Н. В. Корниенко</i> (Москва). Песенно-музыкальные сюжеты у Платонова (Литературные и иные контексты)	93
<i>К. А. Баршт</i> (С.-Петербург). Семантика профессии в прозе Платонова (К вопросу о типологии платоновских персонажей)	121
<i>Л. П. Фоменко</i> (Тверь). Мотив железной дороги в прозе Платонова	144
<i>Н. О. Егорова</i> (С.-Петербург). «Ветер-хлебопашец» и «Путешествие из Петербурга в Москву» (Роль устойчивых мотивов в развитии сюжета)	164
<i>Р. Чандлер</i> (Великобритания). Платонов в пространствах русской культуры	170
<i>С. А. Ипатова</i> (С.-Петербург). «Кухонный мужик Советского Союза» (К истолкованию заглавия очерка)	186
<i>Н. М. Малыгина</i> (Москва). «...Понять миссию поэта»: Платонов о Маяковском	194
<i>О. Меерсон</i> (США). Москва, ты кто? Сходные вопросы без ответов у Хлебникова и Платонова	205
<i>Т. М. Вахитова</i> (С.-Петербург). Платонов и Леонов. 1930 год. Предметный мир	214
<i>А. Ливингстон</i> (Великобритания). Гамлет, Дванов, Живаго	227
<i>Х. Кубо</i> (Япония). Трава как медиа: Андрей Платонов и Арсений Тарковский	242
<i>В. С. Федоров</i> (С.-Петербург). Гетевские мотивы в художественно-философской картине мира Платонова	251
<i>Н. Г. Полтавцева</i> (Москва). Мотив сиротства как проблема культуры у Платонова и Джойса (Саша Дванов и Стивен Дедалус)	263
<i>Э. Рудаковская</i> (Тарту). Феномен языка Платонова (Исследовательская традиция и поиски новых решений)	281
<i>Е. В. Антонова</i> (Москва). О датировке стихотворений книги Платонова «Голубая глубина»	296
<i>М. А. Дмитриовская</i> (Калининград). Персонажи георгиевского ряда у Платонова в историко-культурной перспективе	322
<i>Э. Найман</i> (США). Лексические герои «Счастливой Москвы»	369
<i>С. Нонака</i> (Япония). Силлепсис в «Котловане» Платонова	378
<i>Л. В. Лукьянова</i> (С.-Петербург). Архетипические мотивы в художественной системе рассказа Платонова «Третий сын»	400

<i>И. А. Спиридонова</i> (Петрозаводск). Метафора и метонимия в решении темы детства у Платонова (На материале военных рассказов)	407
<i>Т. С. Садова</i> (С.-Петербург). Концептуальная текстовая модель и сочетания-неологизмы в произведениях Платонова («Город Градов», «Государственный житель», «Македонский офицер»)	428
<i>М. Моссур</i> (Польша). Непереводимый Платонов?	437
<i>А. Л. Семенова</i> (Великий Новгород). Платонов о «Генеральном сочинении» или «о прелести сущей жизни»	447

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Принципы публикации	458
Очерк Платонова «Кухонный мужик Советского Союза» (Публикация и примечания В. В. Перхина)	461
Материалы из Рукописного отдела ИРЛИ (Публикация и примечания Е. И. Колесниковой)	471
Указатель имен	534
Указатель персонажей произведений Платонова	542
Указатель заглавий произведений Платонова	548

Научное издание

ТВОРЧЕСТВО АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА
Исследования и материалы
Книга 3

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской Академии наук*

Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *О. И. Буркова, Ю. Б. Григорьева,*
Н. И. Журавлева и Л. Д. Колосова
Компьютерная верстка *О. В. Никитиной*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 08.10.04. Подписано к печати 30.12.04.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Антикwa. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35. Уч.-изд. л. 35.9.
Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3893. С 46

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@pauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-027159-4

9 785020 271593